

Дарья Донцова

Бермудский
треугольник
черной вдовы

Детектив на диете Татьяна Сергеева

Татьяна Сергеева. Детектив на диете

Дарья Донцова

**Бермудский треугольник
черной вдовы**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Бермудский треугольник черной вдовы / Д. А. Донцова —
«Эксмо», 2015 — (Татьяна Сергеева. Детектив на диете)

В бригаду Татьяны Сергеевой обратилась Инна Валерьевна Голикова. Она явно сверх меры любит своего сорокалетнего сыночка и не хочет, чтобы тот женился. Алексей – успешный бизнесмен, владелец сети магазинов. Он прямо заявил матери, что встретил судьбу в лице некой Веры Лазаревой, намерен сочетаться браком и жить отдельно. Его невеста не невинная девочка, в прошлом у нее четыре покойных мужа. Умирили все Верины супруги ровно через год совместной жизни от инфаркта. Любящая маменька считает: Алешеньке угрожает опасность – и умоляет разоблачить черную вдову. Босс Сергеевой смущенно признался: Голикова подруга его мамы, и он просит Татьяну устроиться в турфирму «Светатур», где в данный момент работает Лазарева, и разузнать о ней как можно больше. Татьяна сразу взяла след. Так началось это расследование, которое постепенно стало напоминать сагу о двух семьях. Куда там «Саге о Форсайтах»!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Донцова Д. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дарья Донцова
Бермудский треугольник черной вдовы

© Донцова Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

– За одним мужчиной – как за каменной стеной, за другим – словно за гипсокартонной перегородкой.

Я оторвалась от компьютера и посмотрела на полную брюнетку, которая продолжала самозабвенно жаловаться на своего супруга:

– Я совсем не конфликтная, много от Сергея не требую. Не умеет он деньги зарабатывать? Ладно, сама кручусь-верчусь, изо всех сил стараюсь, копеечку в дом тащу. Не способен он гвоздь забить, машину не водит? Плевать, я отлично и с молотком, и с дрелью управляюсь, и на дачу супруга сама доставлю, за рулем я почти десять лет. Но его вообще ничего попросить сделать нельзя. Отправила в пятницу Серегу на родительское собрание, в понедельник приходит Костик из школы, а там «два» по поведению и запись: «Родителей Нечаева более для беседы не вызываю, после родительского собрания поняла: сын пошел в отца». Я давай мужа трясти, вопросы задавать: «Что ты классной сказал? По какой причине она вызверилась?» Сергей руками разводит: «Зая, я молчал всю дорогу, ни слова не произнес». Но я-то понимаю, что Алевтина Леонтьевна не просто так обозлилась! Позвонила Нинке, матери одноклассницы Костика. Ну вы не поверите!

Брюнетка схватила со стола бутылку минералки и принялась жадно пить прямо из горлышка.

– Чего случилось-то, Светлана Алексеевна? – любопытствовала стройная блондинка, сидящая у окна.

Толстушка закатила глаза:

– Классная, как обычно, начала детей ругать, добралась до Костика и вещает: «Нечаев издевается надо мной. Я рассказывала ребятам: «Если с вами летом в сорокаградусную жару случился солнечный удар, надо расстегнуть одежду, а еще лучше снять ее, умыться холодной водой, уйти в тень, но ни в коем случае нельзя бросаться в реку или озеро, может произойти спазм сосудов, который приведет к смерти». Все поняли, в тетради записали, а Константин руку тянет: «Алевтина Леонтьевна, а зимой как при солнечном ударе поступить? Без одежды на морозе холодно, и речка подо льдом». Родители захихикали, а муж глаза выпучил и выдал: «Не вижу ничего смешного. Мальчик правильно поинтересовался. Он не знает, что на морозе делать. Да и я не в курсе, как с солнечным ударом зимой бороться. Надо детям доходчиво материал объяснять, а не злиться, что они вас не поняли». Каково?

Все присутствующие в комнате засмеялись, никак не отреагировала лишь молодая женщина с копной огненно-рыжих кудряшек, она сосредоточенно смотрела в компьютер.

– Весело, конечно, – надулась Светлана Алексеевна, – но я и эту глупость Сереже простила, хотя такие проблемы в школе начались! Классуха вредная, злопамятная, третий день подряд мальчику замечания в дневник пишет. «Войну и мир» уже нафантазировала. Ладно, я и это переживу, надоест когда-нибудь злобине ребенка гнобить. Но котлеты я Сергею не прошу. Никогда. Лопнуло мое бесконечное терпение.

– А чего ваш супруг с котлетами сделал? – поинтересовалась дама, замотанная в бесчисленные жемчужные ожерелья.

Светлана повернулась к ней:

– Прикинь, Кира! Вчера приползаю домой около одиннадцати вечера, устала как савраска. Есть хочу, сил никаких. Впервые в жизни мужа попросила: «Сережик! Я пойду в душ, а ты пока подогрей мне котлетки. Кастрюлю я только что из холодильника вынула». Выхожу из ванной, СВЧ-печка пищит, Сергея на кухне нет. Я, дура, обрадовалась, значит, муж про ужин не забыл, сейчас наконец-то перекушу спокойно. Открываю печку, вынимаю

тарелку, а в ней... Какие-то круглые штучки, коричневые... Я не поняла, что это такое. Открываю кастрюлю, в которую котлеты вчера после жарки сложила, а там...

Светлана обвела всех взглядом:

– Суп!

– Суп? – повторила блондинка у окна.

– Да, Лена, – заныла рассказчица, – я сварила утром щи с фрикадельками. Сергей их выловил и мне на ужин подал. Все. Последняя капля. Развод.

Рыжеволосая девушка встала:

– Вы кастрюли перепутали? Достали вместо котлет суп?

– Очень ты, Вера, умная, – скривилась Светлана Алексеевна, – да, от усталости внимание притупилось. И у меня кухонная утварь из одного набора, вся красная с цветочным орнаментом.

Вера пошла к двери:

– Тогда зря на супруга гневаетесь, сами виноваты. Велели ему подогреть то, что вытащили. Вот он и постарался.

– Каким же идиотом надо быть! – заголосила Светлана. – Неужели не ясно, что котлеты большие, они в супе не плавают.

Вера молча выскользнула в коридор, Света всхлипнула:

– Вы все тоже так думаете, как она? Сергей молодец, а я вредная дура?

Присутствующие наперебой начали утешать коллегу.

– Нет, конечно.

– Зачем дома мужик, от которого пользы нет.

– Найдете свое женское счастье. Вон у Верки восемь мужей было, сейчас за девятого собирается и не переживает.

– Моя личная жизнь окончена, – зарыдала Светлана Алексеевна, кидаясь к выходу, – посвящу себя сыну и отцу! Никаких мужиков больше. Хватит!

Дверь кабинета со скрипом отворилась, потом со стуком захлопнулась. Блондинка бросилась за убежавшей. Кира посмотрела на меня:

– Цирк, да?

– Похоже, Светлане Алексеевне не очень повезло с супругом, – дипломатично ответила я, – но, с другой стороны, как я успела понять из ее рассказов, он не пьет, не гуляет, любит жену. И у них ребенок. Прежде чем окончательно подавать на развод, надо как следует подумать. Но я здесь недавно работаю, всех семейных перипетий владелицы турагентства не знаю. Окажись я на месте Светланы Алексеевны, посмеялась б от души над мужем. Бедолага фрикадельки из супчика вылавливал. Мог заодно и картошку вытащить, к котлеткам гарнир нужен. Реально смешно, почему Света так переживает? Наверное, дело не в глупости Сергея, а в том, что клиентов меньше стало, Светлана боится разориться, вот и дергается.

Кира глянула на дверь и зашептала:

– Тань! Мужик у Светки дятел, лентяй, каких поискать. Но, знаешь, она сама его выбрала. И везде хорошо не бывает, Светлане с отцом подфартило, значит, муженек должен кретином быть для баланса.

– А кто у нас папа? – поинтересовалась я.

– Алексей Валерьевич Нечаев, – на едином дыхании выпалила Кира, – владелец социальной сети «Друзья», денег у него вагон с прицепом.

– Он вроде молодой, – удивилась я, – а Светлане за тридцать.

– Папаньке полтинник в прошлом году стукнул, – с удовольствием принялась сплетничать коллега, – Светке тридцать три. Она от школьной любви на свет появилась. Мать ее в родах скончалась, родители отца девочку воспитали. Алексей к дочке скорей как к младшей сестре относится. Любит сильно, несмотря на всю ее никчемность. Светка врет всем, что в МГУ учи-

лась, потом переводчицей работала. Вот нет ума, чтобы сообразить: прогулят тебя в пять минут, вся инфа в Интернете есть. Из универа Нечаеву со второго курса выперли, высшего образования у «принцессы» нет. Что она делала до того, как ей пять лет назад контору «Светатур» на блюде в кровать принесли, не знаю, но, думаю, на шее у папани сидела и личной жизнью занималась: замуж выходила, ребенка рожала. Не парится она об оттоке клиентов. Нечаев дочкин бизнес на плаву держит. У Светы головы нет, наняла в штат Ленку, та прежде в салоне маникюршей служила, ее уволили за то, что с мужьями клиенток спала. Воробьева богатого окрутить хочет, вот и не стесняется. Еще увидишь, как она выделяется перед парнями, которые тыщ за пятьдесят долларов тур на Мальдивы берут. И плевать нашей Барби, что мужик со своей бабой в отпуск рулит. Вот на тех, кто за маленькие еврики по Европе на автобусе прокатиться решил, она даже не взглянет. Но бодливой корове бог рогов не дает. Спят с Ленкой охотно, а в загс не зовут. Все ее романы на пару недель, ну от силы на месяц. А потом чао, бамбина, сорри, с тобой прикольно, но у меня жена есть. Разве можно такую проститутку на службе держать? Рано или поздно скандал из-за нее случится. А Светка ее не увольняет. Елена хитрющая, втерлась к хозяйке в доверие, ездит к ней домой, маникюр-педикюр по дружбе делает, денег с Нечаевой не берет, типа, они приятельницы. Мне ее расчет за десять километров виден. Алексей Игоревич не женат, Воробьева жирную утку подстрелить замыслила. Понятно тебе, ху из Елена? Верка еще хуже. Знаешь, сколько у нее бывших мужей? Восемь. И все умерли.

– Да ну? – поразилась я. – Бедная Лазарева, не везет ей.

Кира постучала кулаком по лбу:

– Сергеева, активируй батареи мозга. Она черная вдова. Откуда у Верки шикарная квартира, иномарка? Она с мужиком расписывается, год с ним живет, а потом бедолага на тот свет уезжает. Фамилию она никогда не меняет, понимает, что недолго ей с ним жить.

– Ужас! – ахнула я. – Хочешь сказать, что Вера... даже произнести не могу!

– Она самка богомола, – зашептала Кира. – Ты в курсе, что та после секса с партнером делает?

Я заморгала:

– Нет, я не сильна в биологии, у меня филологическое образование.

– Сжирает богомолиха своего мужика, – просветила меня Кира, – ням-ням, и усе. Угадай, какую часть на десерт оставляет?

– Мамочка, – прошептала я, – кошмар. Почему же Веру до сих пор не посадили за решетку?

– Хитрая она очень, – вздохнула Кира, – от мужей профессионально избавляется. Они все от инфаркта погибают, не подкопаешься.

– Согласись, если у женщины постоянно умирают супруги, это настораживает, – возразила я. – Отчего полиция до сих пор не вмешалась?

Кира навалилась грудью на стол:

– Может, Лазарева участковому башляет, взятки дает. Денег у нее океан.

– Ты не права, – снова возразила я, – богатой даме незачем в турагентстве пахать.

Кира выпрямилась:

– Ты мне нравишься, не выскочка, без закидонов, высшее образование имеешь...

Я молча слушала коллегу. Так-так, похоже, она и про меня начиталась сведений в Интернете. Спасибо Роберту, который сочинил мне в Сети хорошую легенду. Любопытная Ручкина выяснила, что новенькая Сергеева была замужем, развелась, детей нет, преподавала русский язык и литературу в школе, потом работала частным репетитором, секретарем в небольшой фирме, а когда та лопнула, устроилась в «Светатур», где как раз искали новую сотрудницу.

– ...но мыслить в правильном направлении не умеешь, – продолжала собеседница. – Верка прожирает наследство, деньги имеют обыкновение заканчиваться. Где ей новую, нафаршированную валютой жертву найти? Раньше она в частных медцентрах пахала, там дурачков,

тащивших ее в загс, находила. Вот ты куда двинешь, если замуж за обеспеченного захочешь? Где жениха искать будешь?

– В ночном клубе? – робко предположила я. – Там многие тусят.

– Балда, – снисходительно заметила Кира, – под дикую музыку пляшут малолетки, деньги не у них, а у родителей. Солидные мужики в балаган не пойдут. Их адреса: элитный фитнес, дорогая частная лечебница, ресторан, куда только по предварительной записи попадают.

– Супермаркет «Территория вкуса», – подсказала я, – там цены для олигархов.

– Дурында, – засмеялась Кира, – мыслишь как голодранка. Знала я одну кретинку, фанатку поп-звезды Буркина, та вычитала, что кумир обожает сыр с плесенью, и стала его у дверей этого магазина караулить. Небось до сих пор там скачет, никак с Буркиным не встретится. Богатые-знаменитые сами за едой не ходят.

– Им же кушать тоже хочется, – возразила я, – без продуктов не прожить.

– Эх, святая простота, – вздохнула Ручкина, – за покупками шофера, охранника или домработницу пошлют, сами мараться не станут. Вот в ресторане их встретить можно, в СПА, в салоне красоты. Но обычного человека в элитные заведения не пустят. Да и что тебе делать там, где стрижка тысячу евро стоит? И в турагентство, чтобы отель подобрать для отдыха, они тоже сами придут. У нас много VIPов, в тусовке знают, что «Светатур» дочери Нечаева принадлежит, поэтому сюда бегут, думают, своя не обдурит. Ну, теперь сообразила, чего здесь Ленка-проститутка и Верка – черная вдова делают? Мужиков себе найти хотят. Держись, Сергеева, около меня, тогда не пропадешь, с другими нормальные отношения поддерживай, но не дружи, а меня слушайся. Алло, «Светатур». Да, конечно, работаем с Мальдивами, приезжайте.

Глава 2

Ручкина начала объяснять потенциальному клиенту, как побыстрее добраться до офиса, а я сделала вид, что погрузилась в изучение тура по Золотому кольцу. Светлана Алексеевна велела придумать интересную программу для не очень обеспеченной семьи. Мне, только-только принятой на службу, достаются пока самые невыгодные клиенты, тех, кто побогаче, расхватывают Кира, Лена и Вера.

Наверное, настал момент объяснить, что я делаю в замечательном месте под названием «Светатур».

Некоторое время назад к нам в офис приехала Инна Валерьевна Голикова и, не успев сесть за стол в переговорной, объявила:

– Мой сыночек, мой Лешик умирает. Спасите мальчика, он юный, неопытный, наивный.

– Алексей болен? – уточнила я.

Посетительница перекрестилась:

– Упаси Бог. Сын здоров.

– Что случилось? – спросила я.

Инна Валерьевна набрала полную грудь воздуха и принялась говорить. Начала издалека, поведала, как она одна, не имея ни копейки алиментов, поднимала мальчика.

– Где только я не работала, – чистила Голикова, – я из многодетной семьи, высшего образования получить не смогла. Поэтому решила: рожу одного ребенка, ему достанется все, чего я лишена была: игрушки, вкусная еда, музыкальная школа, красивая одежда. Бегала как савраска, хотела Лешеньку обеспечить по-царски.

Глеб Валерьянович, услышав последнюю фразу, кашлянул, а Денис улыбнулся. Инна Валерьевна мгновенно напала на Жданова.

– Что смешного? Я утром разносила почту, днем работала санитаркой в больнице, вечером мыла полы в подъездах, а по выходным драила квартиры обеспеченных людей.

– Но сейчас у вас, похоже, хорошее материальное положение, – вставила Антонина Юрская.

– Да, – гордо ответила дама и поправила свои дорогие бусы. – Лешик вырос, у него теперь фирма, четыре магазина, сеть называется «Алфавит», потому что в ней представлены товары от «а» до «я».

– О-о-о-о! – обрадовался Жданов. – У меня около дома один такой открыли, в нем хорошие, совсем не дорогие футболки. Если берешь две, третью получишь бесплатно.

Я пнула Жданова под столом ногой.

– Так почему вы решили, что Алексей умирает? Бизнес его процветает, со здоровьем проблем нет.

– Мальчику сорок лет, – всхлипнула Инна, – а мы никак не устроим его личную жизнь. Девушек вокруг Лешика крутится много, но достойной нет, все хищницы, которым нужны деньги сына. А мне хочется внуков понянчить. Лешенька мне роскошную жизнь обеспечил, на курорты отправляет, золото-бриллианты-шубы покупает, говорит: «Мамочка, ты на меня молодость потратила, замуж не вышла, позволила мне университет окончить, сама недоедала, а сыну модную одежду покупала, теперь я тебя баловать хочу». А у меня одна мечта: женить ребенка на хорошей девочке. Но не везет нам!

Я заерзала на стуле. Надеюсь, что хлопотливая мамаша не перепутала офис особой бригады с брачным агентством?

– Наверное, Алексей советуется с вами при выборе невесты? – предположила Антонина.

Инна Валерьевна моментально начала размахивать саблей над ее головой.

– У вас дети есть?

– Пока нет, – улыбнулась Тоня.

– Вот когда родите, тогда перестанете глупые вопросы задавать, – заявила Голикова. – Неужели мальчик один должен свою судьбу выбирать? Лешенька всегда...

Инна всхлипнула и разрыдалась. Глеб Валерьянович налил в стакан воды, накапал туда микстуры из пузырька и подал ей со словами:

– Ну, ну, голубушка, слезами горю не поможешь, выпейте, и поговорим спокойно. С любой ситуацией можно справиться, если анализировать ее без нервов.

– Хорошо вам говорить, – сквозь слезы огрызнулась дама, – не у вас болит.

– Пожалуйста, возьмите себя в руки, – попросила я, – мы не сможем вам помочь, если не узнаем, что случилось.

Комкая бумажную салфетку, Инна Валерьевна продолжила вещать, перемежая слова жалобными всхлипываниями. Минут через пятнадцать мне стала понятна суть дела.

Некоторое время назад любимый Алешенька стал задерживаться на работе, домой возвращался за полночь, по выходным тоже спешил в офис. Времени, как раньше, спокойно попить с маменькой чай, поиграть с ней в нарды у него теперь совсем не было. Инна не глупа, да и подобное поведение Лешенька уже несколько раз демонстрировал. Голикова живо сообщила, что сын завел очередную пассию, но расспрашивать его не стала. Испытывая к сыну безграничную любовь и считая его малышом, Инна все же понимает, что неразумному дитятке надо оставить немного свободного пространства, у Лешика ведь есть мужские потребности. Не к проституткам же ему ходить? Прекрасно, если у мальчика появится постоянная любовница, это полезно для здоровья. Мать не собирается конфликтовать с гетерой, наоборот, станет радушно поить ее чаем, угощать конфетами, проводит парочку на отдых... Все будет чудесно, пока девице не взбредет в голову стать супругой Алешеньки. Брак – это серьезно, жена сына – мать ее будущих внуков. А какие младенцы появятся от особы, которая позволила себе спать с мужчиной, не вступив с ним в законный брак? Инне Валерьевне развратная невестка не нужна, под венец Лешик поведет невинную, нецелованную девочку. Свекровь научит новообрачную, как правильно заботиться о муже, и с легкой душой передаст ей бразды семейного правления. Алешенька целиком и полностью разделяет мнение мамы. Едва очередная пассия начинала делать намеки насчет покупки ей обручального колечка с бриллиантом, владелец торговой сети быстро приобретал любовнице набор серьги – браслет и расставался с ней без сожаления. Вот почему, когда Лешик зимой стал работать в три раза больше, чем обычно, Инна усмехнулась про себя и совершенно не встревожилась. Все шло своим чередом до начала августа, когда Голикова уехала в Германию на курорт.

Вернулась она двадцать первого числа, и верная домработница Клава тут же доложила хозяйке:

– Стоило вам в самолет сесть, как Алексей Игоревич из дому смылись и лишь вчера назад прикатили. Похудел он! Похоже, новая баба его в постели заездила. Бледный весь, аж синий! Привез с собой свадебный каталог.

– Что? – насторожилась Инна.

– Журнал толстый, – пояснила Клавдия, – в нем платья и аксессуары для бракосочетания представлены. У его любовницы размер маленький, нашенский сорок второй, рост где-то метр шестьдесят шесть – шестьдесят восемь, а грудь большая, небось силикон вшила.

– Откуда ты столько знаешь? – поразились хозяйка.

Клава приложила палец к губам:

– Тсс. В журнале напротив некоторых моделей крестики стоят, размер сорок два отмечен. Сегодня утром Алексей Игоревич по телефону тихо разговаривал, я случайно мимо двери его спальни шла и ненароком беседу услышала, он говорил: «Верушка! Ты слишком скромная, выбрала дешевые платья. Моя невеста в таких перед гостями не появится. У тебя нестандартная фигура, талия осиная, грудь пышная, разве на такую красоту массовый пошив годится?»

Мы приобретем лучший наряд в Америке. Закажем у модельера. Да, просмотрел. Все отобранное тобой не годится. Дешево. Не по статусу моей любимой жене».

Инна Валерьевна схватилась за сердце и еле-еле дождалась сыночка с работы. Едва он вошел в холл, мать наскочила на него с вопросами. Алексей сначала отнекивался, прикидывался непонимающим, но мать загнала его в угол, а сын неожиданно оскалил зубы и разразился пламенной тирадой, суть ее такова: он встретил девушку своей мечты и женится на ней непременно. Свадьба планируется в декабре. Даже если маму увезут с инфарктом-инсультом-колитом-гастритом-менингитом-туберкулезом и прочими болячками в реанимацию, бракосочетание состоится.

Инна Валерьевна сообразила, что дело совсем плохо, Лешенька выполз из-под камня послушания, которым она его придавила, и живо сменила тактику.

– Дорогой, почему ты решил, что я приму в штыки любимую невестку? Нет! Я счастлива с ней увидеться, совет вам да любовь. Познакомь меня с девочкой, и давай переоборудуем дом, чтобы вам с женой было комфортно. Мне лучше переехать в гостевой коттедж, молодая жена захочет одна хозяйничать на кухне.

– Нет, мама, – спокойно ответил Алексей, – я построю новый особняк, а пока поживу у Веры. Этот дом весь останется в твоём распоряжении.

– Как?! – ахнула Голикова. – Зачем вам ютиться в квартирке на окраине? Неужели ты опасешься, что я вам помешаю? Сказала уже: переберусь в коттедж для гостей, без приглашения к вам не сунусь.

– У Веры не квартирнка на выселках, – пояснил Лешик, – а шесть комнат на Старом Арбате, триста квадратных метров в старинном доме, где всего десять квартир.

У Инны перестали дрожать ноги.

– Девочка из хорошей семьи? Кто ее родители?

Алексей слегка смутился:

– Вера сирота.

– О! Бедняжка, – всплеснула руками Голикова, – изо всех сил постараюсь заменить ей мать.

– Апартаменты достались Вере от покойного мужа, – продолжил сын, – Верушка вдова, она небогата, раньше служила медсестрой, сейчас работает в туристической фирме.

Инна Валерьевна ощутила, будто ей в спину аккурат между лопаток вбивают острый кол.

– И сколько лет нашей красавице?

– Тридцать пять, – после короткого колебания ответил сын.

Оцените самообладание Голиковой. Она, мечтавшая видеть рядом с Лешенькой исключительно девственницу не старше девятнадцати лет, дочку обеспеченных интеллигентных родителей, узнав про вдову второй свежести, едва не заорала: «Да она старуха!» Но сдержалась, навесила на лицо улыбку и прочирикала:

– Буду рада познакомиться с Верочкой, привези ее сюда скорей.

– Нет, мама, – отрезал Алексей, – вы встретитесь на свадьбе, после того как мы поставим печати в паспорта. Я тебя знаю, ты способна с ласковой улыбкой такого наговорить, что Верушка убежит и не вернется. Ты уже не раз это проделывала.

– И никогда не слышала от тебя ни слова упрека, – взорвалась Голикова.

– Верно, – согласился Алексей, – видишь ли, я приводил в дом очередную девицу тогда, когда решал с ней расстаться. Самому говорить: «Нам лучше не жить вместе» – не особенно комфортно. Но я знал: тебе кандидатка в невестки никогда не придется по сердцу, ты найдешь нужные слова и моя любовница, уходя, объявит: «Извини, Леша, но иметь твою мать свекровью – это ад, поэтому прощай, не сложится у нас семья».

– Ты мной манипулировал, – возмутилась Инна Валерьевна.

– Нет, просто применял тактическую хитрость, – усмехнулся сынок, – не люблю скандалов, предпочитаю решать проблемы мирным путем.

Инна Валерьевна тоже не хотела конфликтовать с сыном, поэтому не стала спорить с ним, сказала:

– Дорогой, ради твоего счастья я готова на все, полюблю твою жену, как родную дочь. Когда сочтешь нужным, тогда и познакомишь меня с Верочкой.

А сама решилась на хитрость.

Глава 3

Для начала Инна наняла частного детектива, велела ему узнать, с кем встречается неразумный мальчик, и собрать о перестарке как можно больше сведений.

Сыщик легко справился с заданием. Голикова изучила собранный материал и сначала даже почувствовала некоторое облегчение. На первый взгляд все выглядело не так уж страшно. Слава богу, побитая молью невеста была не провинциалкой, она не прикатила в столицу из какого-нибудь Задрипанска. Отец девицы, Петр Михайлович, преподавал математику в Высшей школе милиции, мать, Евгения Федоровна, вела домашнее хозяйство. У них было двое детей: дочь Вера и сын Федор, младше сестры на год. Когда детям исполнилось четырнадцать и тринадцать лет, случилась трагедия. Летом, живя на даче в деревне Гуськово, Федя решил покататься на мопеде, упал с обрыва в реку и утонул. Евгения Федоровна не пережила смерть ребенка: через день после того, как тело сына достали из воды, она умерла от инфаркта. Спустя несколько месяцев скончался отец. Вера осталась с бабушкой Анной Ивановной. Наверное, у пенсионерки начались проблемы с деньгами, потому что она обменяла просторную, расположенную в элитном районе квартиру дочери и зятя на меньшую в малопрестижном околоте. Получив аттестат, Вера подала документы в медицинский институт, но срезалась на первом экзамене. Девочка отнесла заявление в медучилище, отучилась там и некоторое время работала в разных муниципальных больницах. Места службы она меняла часто.

Детектив, нанятый Голиковой, оказался опытным и неленивым. Он отыскал кое-кого из бывших коллег Лазаревой тех времен и узнал, что она была старательной, аккуратной, хорошо справлялась со своими обязанностями, а частые увольнения оказались связаны с желанием получать большую зарплату. Но, увы, в городских больницах средний медперсонал не имеет приличных окладов. В две тысячи четвертом году Вера устраивается на службу в частную клинику. Через два года она очень удачно выходит замуж за Бориса Виноградова, владельца коммерческого банка, и переезжает к нему жить. Лазарева бросает работу, становится домашней хозяйкой. Но, к сожалению, долгого семейного счастья не получилось, пара провела вместе всего год, а потом Виноградов скончался от инфаркта. Вере досталась в наследство многокомнатная квартира на Арбате. Вдова опять нанялась в частную больницу и через год расписалась со Степаном Щипачевым, нигде не работающим, недавно справившим пятидесятилетие. Это был странный безработный: он ездил на элитной иномарке, обедал в лучших ресторанах, одевался в дорогих магазинах. Вера уволилась и ухаживала за мужем. Через двенадцать месяцев Степан умер от инфаркта.

Вдова опять устроилась в коммерческую больницу. Далее события развиваются как под копирку. Свадьба с риелтором Макаром Ремизовым, увольнение, год счастья и... похороны супруга, скончавшегося от инфаркта.

Три неудачные попытки устроить личную жизнь не сломили медсестру. Она затевает четвертый забег, на сей раз с композитором Павлом Касаткиным. И вновь через год становится вдовой.

Поплакав на четвертой могиле, Лазарева решает кардинально изменить свою жизнь. Некоторое время она нигде не работает, чем занимается, непонятно, вероятно, живет на накопленные средства, все мужья Веры были обеспеченными людьми. Спустя некоторое время Лазаревой делается скучно или у нее заканчиваются деньги. Она устраивается на работу в «Светатур» и в офисе знакомится с Алексеем, сыном Инны Валерьевны. Бизнесмен приехал заказать путевку в теплые края.

Сыщик не поленился побывать на всех местах работы медсестры, но ничего криминального ни от кого не услышал. О профессиональных качествах Веры коллеги отзывались хорошо: аккуратная, умелая, не допускает ошибок, нравится пациентам, дисциплинированная, нико-

гда не опаздывает. Как к человеку к ней тоже не было претензий: спокойная, улыбчивая, если ее попросят поменяться сменами, всегда пойдет навстречу. Не берет денег у родственников пациентов, но и не ябедничает на тех, кто принимает мзду. Когда видит, что кто-то из коллег топчется на остановке маршрутки, всегда притормозит, предложит довезти до метро. Не жадная: если коллектив сбрасывается кому-то на подарок, без спора отдает нужную сумму.

– Жаль, что она ушла, – в один голос твердили везде ее коллеги.

Но сыщик хотел найти нечто «жареное», и единственную странную деталь сообщила ему Лидия Ефимовна Катанина, живущая дверь в дверь с Верой.

– Тихая женщина, – сказала соседка, – ни малейшего шума. Вежливая, воспитанная, всегда здоровается, улыбается. Грязи не разводит, гостей не собирает. Раньше у нее бывали компании, но после смерти последнего мужа Вера праздников не затевает. Утром – на работу, вечером – домой. Я за ней не слежу, стены в нашем доме старинные, метровые, звукопроницаемость не та, что в современных зданиях, никаких шумов не проникает. Может, и есть у Лазаревой кто, но я его не встречала. Мне ее жаль. И Борис, и Степан, и Макар, и Павел казались мне приличными людьми. Ну почему ей так не повезло? Четырежды вдова. Дружбы между нами нет, чай вместе по вечерам никогда не пили, но сталкивались иногда в лифте или у дверей. Надеюсь, Вера еще найдет свое счастье.

– Вы не один год живете рядом, неужели ни разу не поспорили? – попытался найти хоть какой-то негатив детектив.

Катанина развела руками:

– Уже сказала: мы не подруги, пирожные вместе не едим, здороваемся и разойдемся.

– Может, что-то странное приключалось? – не терял надежды сыщик. – Необычное.

– Да нет, – протянула Лидия, – все было тихо... хотя...

Соседка примолкла.

– Говорите, говорите, – обрадовался детектив.

– Знаете, – смутилась Лидия, – у Веры незадолго до кончины второго мужа начались провалы в памяти. Один раз я поднялась на наш этаж, стала рыться в сумке, ключи искала. Дверь Лазаревой открылась, она наружу выскочила, увидела меня и к ступенькам рванула. Меня ее поведение немного удивило, выглядело так, словно она со мной здороваться не хочет, я крикнула ей в спину: «Верочка, добрый день, как дела?» А она, не обернувшись, рукой махнула и убежала. Я даже обиделась. На следующий день решила свою входную дверь снаружи вымыть. Над нами живет семья Панюковых, хорошие люди, у них семилетний сын Юра. Мальчик бегает во двор в футбол играть, мячик по пролетам ногой гонит. Он так тренируется, мечтает профессионалом стать. Мяч часто в мою створку попадает, грязный след остается. Тру я дверь щеткой, и тут Вера появляется.

– Здравствуйте, Лидия Ефимовна, как дела?

Меня черт за язык дернул:

– Добрый день, дорогая! Вижу, вы сегодня в хорошем настроении, а давеча злились.

Она ресницами захлопала:

– Я? Сердилась? На вас?

– Да, – подтвердила я, – мимо меня прошмыгнули, поздороваться не пожелали, я не поняла, чем такое отношение к себе вызвала.

Лазарева улыбнулась:

– Вы перепутали меня с кем-то.

Я решила ей подыграть:

– Наверное.

А сама думаю: никогда не видела женщин с таким стогом рыжих кучеряшек на голове, просто овца, которую в хне искупали. Перепутала я! Как бы не так. Такие волосы только

у тебя, дорогая! Но Вера так удивленно-растерянно выглядела, что я решила, может, она ку-ку? Дом стоит, а крышу унесло?

– Давно это случилось? – полюбопытствовал детектив.

Лидия призадумалась:

– Точно не скажу, но незадолго до смерти Степана. Когда он скончался, я подумала: «Вот почему Лазарева так странно себя вела. Небось супруг болел, она испугалась, что и он умрет, стала таблетки от нервов пить». Мне доктор успокаивающие прописал, я их недолго принимала да бросила, совсем дурой от лекарства стала. О! Вспомнила, она еще чужих тогда бояться начала.

– Чужих? – переспросил сыщик.

Лидия Ефимовна кивнула.

– Через день после того, как Лазарева забыла, что не поздоровалась со мной, она ко мне в квартиру позвонила. До этого в гости никогда не рвалась, а тут скромно спрашивает: «Можно зайти?» Я подумала, что она извиниться хочет, приготовилась сказать, что происшествие смятого фантика не стоит, забыла я о нем и нисколько не обижаюсь, что она ко мне спиной повернулась. А Вера вдруг спросила:

– Лидия Ефимовна, у вас никогда не складывалось ощущения, что дома кто-то посторонний побывал? Зашел в ваше отсутствие? Без разрешения?

Я удивилась:

– Нет. К тебе вор залез?

Она в пол уставилась:

– Ничего не пропало, но у меня на кухне, когда я уходила, был чайник ручкой к окну повернут, а сейчас наоборот. И на боку у него вмятина появилась, а утром ее не было.

Вот тут я поняла: шиза у Веры! Ручка от чайника не там! Анекдот. Это кто же в квартиру полезет, чтобы электроприбор вертеть? Смехота. И так мне ее жалко стало, свихнулась, бедняжка, совсем. Но больше она глупости не спрашивала, наверное, лечиться стала. Сейчас нормальной выглядит.

Кроме этого, Шерлок Холмс ничего не узнал, но и полученной информации хватило, чтобы Инна Валерьевна ударились в панику. Сын-то переехал в первых числах сентября к черной вдове, наметил на декабрь свадьбу. Сколько он проживет в качестве счастливого молодого жена? Двенадцать месяцев, как и его предшественники!

И вот сейчас Голикова, обмахиваясь бумажной салфеткой, сидит в нашем офисе и твердит:

– Вера – черная вдова. Она убила четырех богатых мужей, завладела их деньгами. А теперь нацелилась на моего наивного мальчика.

– И что вы от нас хотите? – задал вопрос Денис.

Инна стукнула кулаком по столу.

– Откройте сыну глаза. Поговорите с ним. Расскажите о прошлом Лазаревой. Я уверена, что мерзавка ничего Лешеньке о себе не сообщала.

– Если они пойдут подавать заявление в загс, Алексей Игоревич увидит паспорт невесты с четырьмя штампами о бракосочетании и насторожится, – сказал Жданов.

– Вы тут, наверное, второй день служите, – прищурилась Инна.

– Нет, почему вы так решили? – удивился Денис.

– Потому что не знаете, что паспорт легко поменять! – заорала Голикова. – Перед тем как начать сафари на моего зайчика, гадина небось пошла в полицию, наврала, что потеряла удостоверение личности, и получила новое, безо всяких отметок. Я уверена, что она именно так и поступила.

– Если Лазарева на самом деле отправляет на тот свет законных супругов и до сих пор не попалась, она совсем не глупа, – заметила Антонина. – Вера убивает мужей так, что ее не заподозрить.

Глеб Валерьянович кашлянул:

– Есть яды, о которых мы ничего не знаем. И можно довести человека до могилы усиленной заботой. Было у меня когда-то дело бизнесмена, которого молодая жена вкусно кормила свинными отбивными, жареной картошкой, пирогами-тортами, наливала ему коньяк-вино-пиво, а потом вела в кровать. Энергичные постельные упражнения после плотного ужина и в молодости-то не полезны, а после пятидесяти вообще нельзя заниматься сексом на полный желудок. Инфаркт не заставил себя ждать. Обильная жирная еда – это повышенный холестерин, бляшки, сужение сосудов. Секс – сильная физическая нагрузка. Оба фактора сложились и дали результат. Очень грамотно дама поступила. И в чем ее можно обвинить? В желании угодить супругу?

– Расскажите эту историю Лешеньке, – потребовала Инна, – сообщите ему, что Лазарева таким образом со всеми своими мужьями расправилась.

Борцов опешил:

– Но мы же не знаем, так ли это. Вероятно, Вере просто не везло. Ей на жизненном пути попадались здоровые с виду, но на самом деле больные мужчины. Они покинули бренную землю по естественным причинам.

– Нет! Она убийца! – уперлась Голикова. – Могу предоставить вам отчет детектива, где написано, что четверо ее мужей умерли вскоре после свадьбы. Больше года с ней никто не продержался. Инфаркты у всех.

– Но мы не знаем, чем они были вызваны, – попытался образумить клиентку Глеб Валерьянович. – Может найтись много причин, спровоцировавших ненасильственную смерть. И почему бы вам самой не поговорить с сыном, аккуратно...

Инна Валерьевна не дала эксперту продолжить, она вскочила и закричала:

– Он мне не поверит! Скажет, что в каждой его девушке я нахожу гнилицу. А кто виноват, что Алешеньке всегда попадают глупые жадные шлюхи? Я ему сто раз внушала: не на том берегу рыбу ловишь! Не надо в клубе знакомство заводить или в ресторане. Приличные девушки вечера с родителями проводят. Пойдем со мной в гости к Меркуловым или Назаренко, у них дочери на выданье, прекрасные домашние девочки. Нет же! Подавай Алексею крашеную выдру в юбке до пупа! Но пока о свадьбе речи не шло, я терпела, а сейчас беда подползает. Я попыталась сыну на Веру глаза открыть, только начала, а он меня оборвал: «Если не хочешь со мной отношения навсегда испортить, ни слова о Верушке. И чтобы ты успокоилась, объясню: я познакомился с ней не в клубешнике, а в офисе. Приехал тур по экзотическим островам купить, вошел в агентство, а там Вера. Я сразу забыл, с кем отдыхать собрался. Мама, я люблю ее. Тебе сейчас лучше молчать». Лешик меня слушать не станет. Мать теперь побоку. Вера колдунья. Она мальчика приворожила, зельем опоила, вот он ей в рот и смотрит. Никогда такого раньше не было.

Голикова рухнула на стул.

– Помогите. Спасите моего ребенка. Докажите, что Вера убийца, узнайте, как она своих мужей на тот свет отправила, расскажите Алешеньке правду, пока он ее пятой жертвой не стал, предоставьте ему подтверждение преступлений Лазаревой.

Глава 4

Когда клиентка уехала, я пошла к Ивану Никифоровичу и сказала:

– Не стоит нам связываться с Голиковой.

Иван отложил в сторону папку:

– Почему? Обоснуй.

Я села в кресло:

– Обрисую ситуацию вкратце. Сын Инны Валерьевны, успешный сорокалетний бизнесмен, влюбился в некую Веру Лазареву.

Босс поднял руку:

– Я знаю эту историю.

– Ты подробно беседовал с Голиковой? – удивилась я. – Обычно не любишь общаться с клиентами, сразу их ко мне посылаешь.

– Объясни, по какой причине ты не хочешь браться за это дело, – попросил Иван.

– Вопрос не в моих желаниях, – возразила я. – Инна производит впечатление сумасшедшей мамы, такие женщины не способны трезво оценивать обстановку. Ее сын давно не мальчик, а она его то малышом, то зайкой именует. Дама обвиняет Лазареву во всех смертных грехах: та и убийца, и ведьма, опоившая ее сына приворотным зельем. Алексей ни разу не был женат, полагаю, что излишне заботливая маменька просто-напросто не давала сыну создать семью. Встречаются эгоистичные женщины, считающие, что ребенок принадлежит только ей, что лучше мамочки никто о сыночке не позаботится. Может, оно и так, но парню-то хочется жить самостоятельно. У Алексея просто закончилось терпение, вот он и сбежал из дома. Умершие мужья Лазаревой, наверное, имели родственников, те не поднимали шума после их кончины. Скорее всего, Вере просто фатально не везло.

– Четырежды вдова, – протянул Иван, – на мой взгляд – это многовато. Пусть Роберт соберет всю информацию о покойных, а потом мы подумаем.

– Ладно, – согласилась я и ушла.

В районе пяти вечера Иван сам спустился на наш этаж с вопросом:

– Троянов нарыл сведения?

Именно в эту секунду в зал заседаний вошел компьютерщик и заявил:

– Интересная картина получается. Похоже, Лазарева та еще штучка.

– Рассказывай, – незамедлительно приказал босс.

Роберт открыл ноутбук.

– Первый раз Вера расписалась с Борисом Игоревичем Виноградовым. Тот весил сто пятьдесят кило, имел стенокардию, повышенное давление, плохо перенес операцию, долго восстанавливался. Вера за ним в палате реанимации ухаживала, видно, она очень хорошо это делала, потому что Борис, ранее никогда себя брачными узами не обременявший, сделал медсестре предложение.

– Кое-кто из холостяков, серьезно заболев, пугается остаться один на один с недугом и заводит супругу, – перебила я, – хочет иметь постоянный уход.

– Но старания Веры не помогли, через год Боря уехал в лучший мир, – продолжил Троянов. – Лазаревой досталась шикарная квартира, в ней она сейчас и живет.

Второй муж, Степан Яковлевич Щипачев, безработный, был выловлен Верой в похожем пруду. Мужик лежал в частной клинике после шунтирования, считался очень тяжелым, балансировал на грани жизни и смерти, а наша Флоренс Найтингейл¹ около него хлопотала и дохло-

---

¹ Флоренс Найтингейл – английская сестра милосердия, общественный деятель. Одной из первых в мире стала ухаживать за больными (1820–1910 гг.).

поталась до марша Мендельсона. Щипачев был пациентом небольшого частного учреждения. Маленькая деталь: один день пребывания в нем стоит семьсот евро. И это без лечения, просто плата за палату.

– У мужика нет работы и зарплаты, а он лечится в дорогой клинике, – протянул Иван Никифорович, – похоже, с деньгами у него был порядок.

Роберт откашлялся:

– Инна Валерьевна поступила опрометчиво, наняла в качестве частного детектива некоего Григория Апраскина. Тот пишет о себе в Интернете: «Высококласный специалист, генерал полиции, главный следователь России в отставке, владелец бюро «Розыск» выполнит любое ваше задание. Стопроцентный успех. Надежно. Дорого».

– Да уж, – засмеялась я, – жаль, врун не указал, что он президент земного шара.

– Не знаю, кто ей Апраскина посоветовал, – пожал плечами Троянов.

– Нет пророка в своем отечестве, – мрачно произнес шеф.

Я посмотрела на Ивана, а Троянов продолжал:

– Я наслышан о нем. Мужик на самом деле бывший полицейский, ушел на пенсию в звании капитана, служил в паспортном столе, розыскной работой не занимался. А когда его на пенсию отправили, решил стать сыщиком. Агентства у него нет, работает один, берется за всякие пустяки вроде слежки за неверным мужем. У Апраскина есть кое-какие связи в полиции, и он аккуратен, неленив, старателен. Разузнал для Инны кое-что, но далеко не все. Григорий выяснил, что Щипачев нигде не работал, зарегистрирован в однушке в Северном Чертанове, и успокоился, глубже рыть не мог. Руки у него короткие. А я начал копать и вытащил сундук с секретами. Степан Щипачев, он же Леонид Храмов, Георгий Малкин, Сергей Образов, имеет еще с десяток имен-фамилий, но настоящее имя красавчика Владимир Шмаков, он был киллером организованной преступной группировки, на совести мужика не одно убийство. В самом начале девяностых Шмаков вышел из ресторана «Гудок», сел в свой автомобиль и... бумс! Машина в клочья, от Вовочки кровавая лужа осталась. Конец истории Шмакова! Останки зарыли и забыли. А через несколько лет Владимир под именем Щипачева очутился на операционном столе, ему сделали шунтирование.

– Интересно, – протянул босс. – Но как ты все это установил?

Троянов погладил клавиатуру ноутбука:

– До меня основную работу другие люди сделали. Незадолго до взрыва Владимир пристрелил одного бизнесмена, но сработал не чисто, в машине оказалась еще жена жертвы. Шмаков, недолго думая, в нее пулю всадил, сделал контрольный выстрел. А тетка выжила.

– Случается такое, – вздохнула я, – правда, очень редко, женщине феерически повезло.

– Дама работала врачом в больнице, куда лег на шунтирование Степан Щипачев, – продолжал Роберт, – она узнала киллера, а тот ее нет.

– Наемный убийца работал с открытым лицом, – протянул Иван Никифорович, – знал, что свидетелей не останется, он уберет всех, зачем морду закрывать.

– Добавь сюда ухарство, – поморщился Роберт, – Шмаков отличался бесшабашностью, дразнил ментов, бросал на лицо убитым бумажную розу, на дело ходил в белой рубашке, на шею повязывал яркий платок. У него была кличка Модник. Врач повела себя умно, кричать, увидев в своем кабинете преступника, не стала, спокойно поговорила с ним и обратилась в полицию. Ребята поехали по адресу прописки Щипачева, а там в однушке глухая бабка, которая за деньги к себе черта пропишет. Но подняться к старухе оперативники не успели, их тормознули мужики в костюмах, показали ксивы. Выяснилось, что фээсбэшники Щипачева уже пару месяцев пасут, хотят узнать все его связи, на кого Модник теперь работает, а он возьми да и свались с сердечным приступом. Полицейских попросили не вмешиваться, с врачом побеседовали. Щипачева прооперировали, перевели в реанимацию, там за ним ухаживала Вера, и дело закончилось браком. Все это время агенты не спускали со Степана глаз.

Они понимали, что наемный убийца перенес тяжелую операцию, после которой требуется длительный восстановительный период, но в конце концов Степан оклемается и примется за старое. И к нему, перебравшемуся жить к Вере, могут заглянуть в гости разные люди. Поэтому в соседнем доме сняли двушку, которая смотрела окнами на подъезд Лазаревой, и начали круглосуточную слежку. Агенты тщательно фиксировали, кто и когда заходил в дом. В подъезде огромные окна-фонари, наблюдатели видели, как поднимается лифт и в чьи апартаменты идут чужие. Это здорово облегчало их жизнь. А вот то, что все комнаты квартиры Веры, кроме кухни, выходят окнами в узкий двор-колодец, окруженный с трех сторон глухими стенами соседних зданий, не позволяло подсмотреть, чем Щипачев занимается дома. Знали только, что происходит на кухне, а там все было обычно: жена готовила еду, муж ел, смотрел телик. Степан сидел тихо, на улицу почти не выходил, они с Верой выбирались только к врачам. Лазарева без супруга исправно бегала в магазины. За ней тоже следили, полагая, что муж может велеть ей отправиться на свидание к нужному ему человеку. Но ничего странного оперативники в поведении медсестры не заметили. Через год после церемонии в загсе Щипачев умер. За Лазаревой еще некоторое время наблюдали, но потом перестали. Стало понятно, что она ни в чем не замешана.

– Теперь про третьего мужа, – потребовал Иван.

Глава 5

Троянов продолжил рассказ:

– Следующий муженек Веры – Макар Ремизов, владелец маленького агентства по сделкам с недвижимостью. У Ремизова не было ни родителей, ни бывших жен, ни детей. Этаким классический холостяк, который согласился пойти в загс, когда почувал, что смерть стоит за плечами. Макар тяжело реабилитировался после операции, небось испугался, что один в квартире останется, кто ему тарелку супа подаст? Вот он и повел под венец Веру, которая ухаживала за ним в клинике.

– Так, – протянул Иван, – Лазарева сидит с удочкой на одном берегу. После каждого похорон меняет работу, насаживает на крючок очередного червячка и ловит новую рыбку.

Роберт оттянул воротник водолазки.

– Прямо дежавю. Ремизов прожил с ней год и умер от инфаркта.

Следующим счастливым молодоженом оказался композитор Павел Касаткин. Ситуация до боли знакомая: холостяк, родни нет, операция, палата и Лазарева со шприцем. Павел не входил в когорту крупнейших шлягеросоздателей, но много работал, писал гимны для разных корпораций и провинциальных городов, песни для свадеб. Он неплохо зарабатывал. Вера стала его первой и единственной женой, через год после свадьбы Павел очутился в могиле. Инфаркт.

Теперь о материальном. От Виноградова у вдовы квартира, от Ремизова трешка в Сокольниках, от Касаткина двушка. Еще ей достались четыре дорогие иномарки. Лазарева машины продала, а недвижимость сдает. Официально. Платит налоги. Вот от Щипачева ей остался только «Мерседес». У бывшего киллера не было ничего, кроме колес, но, полагаю, он в свое время припрятал кубышку.

Похоронив композитора, Лазарева резко меняет жизнь. Некоторое время нигде не работает, потом приходит в «Светатур», и там происходит встреча с Алексеем, сыном Инны Валерьевны.

– Фото роковой дамы есть? – спросил шеф.

Троянов подал боссу ноутбук:

– Любуйтесь. Профиль, анфас, вид сзади.

– Ничего особенного, – пожал плечами Иван Никифорович, – не красавица. Простецкое лицо. Таких бабенок полное метро. И фигура самая обычная. У нее только волосы приметные, рыжий стог кудрей. Почему на нее столько мужчин клюнуло? Что Алексея в серой мыши привлекло?

– Не знаю, – ответила я.

Роберт собирался еще что-то добавить, но у него зазвонил телефон, и Троянов, глянув на экран, быстро вышел в коридор.

– Испытываешь к этому делу особый интерес? – напрямик спросила я, когда мы остались с боссом одни.

– С чего ты так подумала? – удивился Иван.

– Ты, услышав про нанятого Инной Валерьевной частного детектива, пробурчал: «Нет пророка в своем отечестве», – пояснила я. – Подумала, что ты хорошо знаком с Голиковой, предлагал ей свою помощь, а она отказалась и обратилась к «генералу полиции».

Босс крякнул:

– М-да! Инна много лет служила у моей матери домработницей. Постоянно она в квартире не жила, отца раздражали посторонние, приходила несколько раз в неделю, мыла полы, стирала-гладила. Иногда приводила сына, он меня лет на пять младше. Алексею доставались вещи, из которых я вырос. Понимаешь...

Иван потер ладонью затылок:

– Мой отец занимал при коммунистах очень высокий пост, находился под бдительной охраной, на работу и с работы его возил шофер, а дома у нас жил малоразговорчивый дядя Петя, младший брат папы. Петр никому не мешал, мне нравился, научил меня ножи в цель метать, показал кое-какие приемы борьбы, посоветовал матери в спортивную секцию меня записать, в самбо. Когда папа умер, дядя Петя от нас уехал. Мне было двадцать лет, я учился в вузе, но оставался по-детски наивным. Мама сказала, что Петр женился и отправился к супруге. Я тосковал по отцу, и без дяди Пети мне тоже было плохо, потому что я привык с ним свои проблемы обсуждать. Следует признать, что в двадцать лет твой грозный босс был инфантилен, сидел за спиной у родителей, не задумывался ни о смысле жизни, ни о бытовых вопросах, не интересовался, откуда берутся деньги на еду, одежду, оплату квартиры. Меня не удивило, что после смерти отца наше с мамой материальное положение не сильно пошатнулось. На столе были те же продукты, что раньше, я ходил в особую секцию ГУМа, где покупал себе импортную одежду, мать по-прежнему ездила на работу в «Волге», и летом мы с ней отправлялись на море, в санаторий, где отдыхали при жизни папы. Следовало, наверное, удивиться: я не работаю, мама простая учительница, откуда у нас деньги? Но я жил как стрекоза. Когда я справил двадцатилетие, мы с мамой опять приехали в санаторий. Территория вокруг была закрытой, посторонних туда не пускали, отдыхающие загорают на своем пляже. А вечером все ходили на набережную, у мамы образовалась своя компания, какие-то тетки, а я подружился с ребятами из Москвы, мы часто сидели в кафе, официанткой там была хорошенькая Марина. Мне двадцать, ей девятнадцать, у нас вспыхнул роман. Девушка рассказала, что она студентка, учится в Киеве, на лето приезжает на море к маме и подрабатывает в кафе.

– Неужели тебе не хочется просто отдохнуть? – удивился я.

– Хочу купить осеннее пальто, – объяснила Марина, – оно дорогое, немецкое. Когда был жив папа, мы хорошо жили, а после его смерти с деньгами стало плохо. Мама преподает в школе, учителя не очень большие деньги получают.

И тут меня стукнуло! Мы-то по какой причине не нуждаемся?

На следующий день я напал на мать с вопросами, та сказала про оставшиеся от отца накопления, но у меня уже открылись глаза.

Иван Никифорович отложил нож.

– Мама сначала несла какую-то чушь, но потом призналась. Я был шокирован. Дядя Петя на самом деле нам никакой не родственник, просто у них с моим отцом было одинаковое отчество: Иванович, что не редкость для России. Петя служил охранником папы. После его смерти необходимость в секьюрити отпала. Мне не хотели сообщать о том, кем на самом деле работал отец. Да, он изредка читал лекции, но не в Высшей школе милиции, а в учебном заведении, где готовили кадры для другой структуры. Ну ты меня понимаешь.

Я кивнула.

Иван начал перекладывать на столе папки.

– После кончины отца маме в знак особого уважения к покойному оставили все льготы, платили за мужа пенсию. Вот почему мы жили безбедно. Статус супруги ответственного сотрудника серьезной организации налагает ряд обязательств. У мамы никогда не было закадычных подруг, из приятельниц у нее одна домработница Инна Валерьевна. Только с Голиковой, которая проверена спецслужбами со всех сторон, мама могла обсудить какие-то личные проблемы, просто поболтать, попить вместе кофе. Я к Инне всегда хорошо относился, а она меня любила, я же вырос почти у нее на глазах, Голикову к нам направили, когда мне восемь лет исполнилось. Инна прекрасный человек, очень мою мать после смерти отца поддерживала. Я знал, что она одна сына воспитывает, Инне трудно, но ни одной жалобы от нее на жизнь не слышал, она всегда улыбалась. Когда Алексей стремительно разбогател, Инна Валерьевна перестала у чужих людей полы мыть, сын заботится о ней, исполняет любые ее желания. Но Инна не прекратила отношений с нами. Другая бы задрала нос, не стала общаться

с теми, на кого работала, но Голикова не из этой стаи. Они с мамой часто ходят по магазинам, в кафе, болтают. Я очень этому рад, мама, несмотря на возраст, по-детски эмоциональна, Голикова умеет гасить порывы близкой подруги.

Иван замолчал.

– Инна Валерьевна рассказала твоей матери о том, что ее «малыш» хочет жениться, – догадалась я.

– Ну да, – смущенно подтвердил шеф, – я лично заинтересован в расследовании. Поэтому и попросил заняться этим делом тебя, а не начальника какой-нибудь другой бригады. Тебе я доверяю полностью.

– Конечно, мы постараемся, – заверила я босса, – но истина может оказаться не такой, как считает Инна Валерьевна. Вполне вероятно, что Лазаревой просто фантастически не везло. Есть один нюанс, который заботливая мать не учитывает. Вера служила медсестрой, со всеми мужьями знакомилась в палате, куда их отвозили после операций на сердце. Шунтирование совсем не простое вмешательство. Понимаешь?

– Умершие были очень больными людьми, – резюмировал Иван.

– Да, – кивнула я, – и они все погибли от инфаркта. Возможно, никакого криминала и в помине не было.

– Или Лазарева, будучи медработником, понимала, что кончина человека, с большими проблемами в плане здоровья, никого не удивит. Таня, моя мама приглашает тебя в пятницу на ужин.

Я чуть не свалилась со стула и от растерянности задала идиотский вопрос:

– Куда?

– К нам домой, – улыбнулся босс. – Восемь вечера тебя устроит?

– Ага, – пробормотала я, – конечно. То есть спасибо.

– Отлично, – обрадовался Иван, – договорились. Ну а теперь за работу.

– Слушай, – пробормотала я, – понятия не имею, сколько бригад входит в нашу структуру, знаю лишь сотрудников трех коллективов, которыми руководишь ты, мы сидим в одном здании. Но, по слухам, которые иногда доползают до моих ушей, наша организация очень мощная, охватывает разные города России. Я не знаю, кто ее основал, на чьи деньги ведутся расследования, однако понимаю, что этот человек (или люди) сказочно богат, мы получаем достойные оклады и такое техническое оснащение, что Джеймс Бонд от зависти свой навороченный автомобиль съел бы. Человек, обладающий огромным капиталом и руководящий всеми нами, наверное, имеет непростой характер. Как и любой царь, наш владыка, наверное, авторитарен и совсем не добр. Я его никогда не видела, но разве можно быть добрым, сидя в таком кресле?

– И что? – перебил меня Иван. – Задавай свой вопрос. Не ходи, как кот вокруг блюда с горячим мясом.

– Хорошо. Тебе не влетит от самодержца за личный интерес в деле Инны? – поинтересовалась я. – Вдруг это ему не понравится?

– Он в курсе, – улыбнулся шеф. – Теперь послушай, что я придумал.

Глава 6

Через некоторое время после беседы с боссом я очутилась в офисе «Светатура», где прикидываюсь бывшей секретаршей Таней Сергеевой, решившей сделать карьеру на ниве обслуживания отдыхающих. Ивану Никифоровичу пришлось проделать немало усилий, чтобы пристроить меня стажером в агентство. Штатное расписание в конторе было укомплектовано, но одна сотрудница соблазнилась предложением другой крупной фирмы перейти на больший оклад и, помахав Светлане Алексеевне ручкой, сменила работу. Интересно, каким образом Иван ухитрился организовать все это? Как он выбил ставку для перебежчицы? Босс подробностей мне не сообщил, просто сказал:

– Нанимайся в «Светатур», изучи ситуацию изнутри. Вера очень закрытый человек, ни друг, ни родственников не имеет, к ней не подступиться.

И это правда. В наше время трудно представить молодую женщину, у которой нет аккаунта ни в одной социальной сети, но Лазарева нигде в Интернете не представлена, она не общается с одноклассниками, не помещает фото в инстаграм, не пишет в фейсбук. У Лазаревой есть имейл, но это адрес «Светатура», Вера общается по нему с клиентами.

– Испытательный срок длится месяц, – объяснил мне Иван, – тебе надо внимательно присмотреться к Лазаревой, слушать, о чем и с кем она говорит по телефону, в идеале сблизиться с ней. Нам необходимо найти человека, с которым Вера откровенна, или выяснить, кто про нее много знает. К сожалению, стандартные методы получения информации не сработали.

И это тоже правда. В Интернете, как я уже говорила, Лазаревой нет. Денис старательно объехал прежние места работы черной вдовы и поговорил с бывшими коллегами Веры. Все они твердили одно и то же: работящая, старательная, аккуратная, никаких претензий к ней не было, больные часто писали медсестре благодарности. Когда Вера подавала заявление об уходе, начальство всегда пыталось ее отговорить, но она оставалась непоколебимой. Почему Лазарева внезапно решала поменять службу и не желала остаться на прежнем месте даже тогда, когда ей обещали повысить оклад, выяснялось постфактум. Вера выходила замуж за бывшего больного и приезжала в медцентр уже не как сотрудница, а как жена, которая сопровождает супруга на плановое обследование.

О личной жизни Лазарева никогда никому ничего не рассказывала, друзей-приятелей среди персонала не заводила. Пить чай со всеми вместе она садилась лишь в случае крайней необходимости, ну, например, в день рождения заведующим, когда отказаться от общения просто невозможно. Сидя за столом, Вера никогда не расслаблялась, слушала чужие разговоры, а о себе помалкивала. Мужчины среди среднего медперсонала редкость, а в женском коллективе принято совместно обсуждать личные проблемы, но о Вере никто ничего не знал. Поскольку она охотно соглашалась меняться сменами, не делала трагедии, когда ей приходилось работать в праздники, ни разу не отпросилась со службы, сказав: «Мама заболела» или «У мужа день рождения, гостей ждем», многие считали Лазареву сиротой, у которой нет ни супруга, ни ребенка, ни любовника. В отделе кадров хранились заполненные Верой анкеты, но посторонним их не изучить, а менеджеры по персоналу в местах, где служила Лазарева, оказались небогаты, о том, что она вдова, коллеги не знали.

Пока Денис носился по медцентрам, Антонина изучала детство и юность Лазаревой. Выяснилось, что девочка несколько раз меняла школы. Впервые это случилось, когда погиб Федя. Брат утонул летом, а первого сентября Верочка пошла в другое общеобразовательное заведение. Несмотря на год разницы в возрасте, сестра и брат сидели в одном классе, наверное, отец решил, что дочери будет тяжело учиться там, где все напоминает о Федоре. В новой школе Вера провела год, потом сменила ее на другую, в которой задержалась до получения

аттестата. Большинство педагогов из заведения, куда Вера перешла сразу после потери брата, закатывали глаза и бормотали:

– Вера... Вера... Лазарева, простите, не помню... совсем. Много лет прошло, столько детей перед глазами пробежало. В уме держишь либо отъявленных хулиганов, либо очень талантливых, ярких ребят. Похоже, девочка, что вас интересует, середнячок, ни плохая, ни золотая отличница, а такие в памяти не остаются.

А вот классная руководительница школы, в которой Лазарева доучилась до выпуска, сказала:

– Вера... Апатичная девочка, получала одни тройки, с поведением, правда, проблем не было, она отличалась идеальным послушанием. Господь ей никаких талантов не отсыпал. Лазарева была невидимкой. Учителя о ней забывали, сидит девочка, скрипит ручкой, сложностей с ней нет, домашние задания всегда выполнены на твердую троечку. Ну, вызовешь ее для порядка пару раз за четверть к доске, она там что-то тихо ответит. Просто мышка. Ни в один кружок не записывалась, в самодеятельном театре не участвовала, в хоре не пела, часто болела, пропускала занятия. Дети ее не любили. Только не подумайте, что Верочку травили. Нет. Она ни для кого не представляла интереса, друзей у нее не было, ни к одной компании она не примыкала и ни разу не приходила на наши праздники. Вероятно, у нее были приятели, но они точно не обучались в нашей школе.

Так получилось, что в гимназию, куда Вера и Федя пошли в первый класс, Антонина поехала в последнюю очередь. И там классная руководительница рассказала о Верочке совсем иное: веселая, ни секунды не могла усидеть на месте, получала одни пятерки, а вот поведение было безобразное. На уроках Вера постоянно вертелась, на переменках являлась заводилой разного шkodства. Любимица детей, лидер, способный повести за собой коллектив. Авантюристка, готовая на любые приключения. Очень живая, азартная, на ее фоне остальные дети казались тусклыми. Прекрасно пела, танцевала, умело передразнивала учителей, звезда школьных концертов. В школе вечера для младших и старших классов устраивали отдельно, когда пятиклассницу Лазареву впервые допустили на празднование Нового года для старшей школы, девочка так отплясывала рок-н-ролл, что с ней в пару встал одиннадцатиклассник Павел Нотов, по которому сохли все ученицы.

На вопрос Юрской, кто был закадычной подругой Веры, учительница ответила:

– А все. Ребята за Лазаревой хвостом бегали, причем не только маленькие, но и старшеклассники. Верочка умело всеми командовала, ей всегда подчинялись, она прирожденный полководец, только моргнет – и все за ней гуртом.

После этой беседы у Антонины создалось впечатление, что речь шла не о Лазаревой, а о каком-то другом ребенке. В медучилище о Вере говорили сухо: ничем не примечательная, тихая, скромная. Училась на одни пятерки, всегда блестяще отвечала как на семинарах, так и на зачетах-экзаменах. Была первой на теоретических и практических занятиях. Все свободное время просиживала в библиотеке. Со студентками общего языка Вера не нашла по причине своего резко отрицательного отношения к лентяям и прогульщикам. Один раз она пришла в деканат с заявлением:

– Оля Нефедова не ходила на практику в больницу. Вместо нее там отмечалась Катя Терентьева. Ольга ни разу не появилась в клинике, а ей поставили за обучение «отлично».

Декан курса затеяла расследование, выяснила, что Лазарева говорила правду, и Нефедову отчислили. На следующий день после того, как приказ об исключении Ольги вывесили на доску, все учащиеся объявили Вере бойкот. С ней демонстративно не разговаривали, не садились рядом на лекциях и в столовой. Спустя неделю Вера перед началом очередной лекции встала и громко сказала:

– Мы будущие медики. От нашего умения делать уколы и того, как мы будем выполнять указания врачей, зависит состояние, а подчас и жизнь больного. Нефедова пропустила все

занятия в клинике, во время которых объясняли, как делать интубацию, и тренировали манипуляции. Ольга не способна провести эту процедуру, но благодаря добренькой Терентьевой учителя считали, что Нефедова получила нужные знания. Что Ольга скажет больному, если ей для его спасения придется вставить ему в горло трубку? Какие слова она найдет для его родных: «Простите, ваш сын-брат-муж умер, потому что вместо практики по интубации я сидела в кино». Мы медики, в наших руках чужие жизни. Учись Ольга на журналиста, я бы не пошла в деканат, ну напишет дура вранье, никто от этого не умрет. А попробуй выжить, если дышать не можешь. Вам жаль Нефедову? Мне нет. Ей не место в профессии. Если узнаю, что кто-то из вас ведет себя, как Ольга, незамедлительно сообщу декану.

После этого заявления в аудитории повисла могильная тишина, а с места поднялась всеобщая любимица Рита Богданова и сказала:

– Ребята, она права. Стучать друг на друга некрасиво, но по сути Вера поступила правильно, мы не имеем права прогуливать, от нас человеческие жизни зависят.

После выступления Богдановой студенты отменили бойкот Веры, но дружить с ней не стали.

Когда Тоня рассказала нам о своих беседах с учителями, у меня сложилось впечатление, что она докладывала о трех разных девочках. Одна, самая маленькая, была веселой, шкодливой, безалаберной, но умной и талантливой, лидером с кучей приятелей; вторая – испуганной, депрессивной, мрачной, не очень хорошо соображающей, не имеющей друзей, неуспевающей ученицей, а третья – классическим ботаником, отличницей, борцом за правду и справедливость. Как это все могло ужиться в одном человеке?

Остальные члены бригады тоже были удивлены.

– В юные годы у девочки обязательно есть близкая подруга, – отметил Глеб Валерьянович, – другой вопрос, как долго длятся эти отношения. Некоторые женщины проносят дружбу через всю жизнь, знакомятся в детском саду, а став пенсионерками, по очереди гуляют с внуками. Другие садятся в первом классе за одну парту, а на втором году обучения становятся врагами. У звезды школы и у той, с кем не хотят играть на переменах, у всех должна быть лучшая подружка, с которой делятся тайнами. Она не обязательно одноклассница и одноклассница, может быть, соседка или родственница. Просто мы ее пока не нашли.

– После смерти брата Лазарева осталась одна, – напомнил Денис, – кроме бабушки Анны Ивановны, других близких не было.

Глеб Валерьянович побарабанил пальцами по столу:

– В то лето, когда погиб Федор, с девочкой явно случилось что-то нехорошее, она резко изменилась. Из жизнерадостной малышки превратилась в мрачное существо.

Меня немало удивили слова Борцова.

– У Веры погиб брат, она испытала сильный стресс.

– Детская психика пластична, ребенку не свойственно погружаться с головой в пучину отчаянья, – возразил эксперт. – Конечно, смерть Феди больно ударила по Вере, но думаю, что тем летом случилось еще какое-то более страшное событие, это оно перепало Лазареву. Мы располагаем не всей информацией, надо выяснить правду. Где умер Федя?

Роберт глянул в ноутбук.

– Неподалеку от деревни Гуськово, там у Лазаревых была дача, она сгорела вскоре после гибели Феди. Надо скататься туда и расспросить местных стариков. На селе долго помнят происшествия, найдется человек, который расскажет про Лазаревых.

– Хорошо, сделаю, – кивнула я.

Иван Никифорович, стоически молчавший во время совещания, не выдержал:

– Нет! Ты устроишься в «Светатур», понаблюдаешь за Верой и постарайся подружиться с ней.

Я нахмурилась.

Глеб Валерьянович тихо кашлянул, и босс быстро дал задний ход.

– Таня, это твое расследование, я не вмешиваюсь в него, просто даю совет. Посидишь с черной вдовой в одном офисе, попьешь с ней чай, поболтаешь о том о сем.

– Сомневаюсь, что Лазарева станет откровенничать с малознакомой женщиной, – засопровтивлялась я, – только зря время потеряю.

– Вовсе нет, – начал отстаивать свою позицию босс, – коллеги привыкают друг к другу, перестают замечать тех, кто постоянно находится рядом, могут затеять личную беседу по мобильному.

Я, понимая, что спорить с Иваном в присутствии подчиненных не стоит, решила сгладить острые углы:

– «Светатур» небольшая контора, сотрудников в ней раз-два и обчелся, штатное расписание заполнено. Как туда проникнуть?

– Не волнуйся, – обрадовался Иван, – я все устрою.

Я постаралась не заскрипеть зубами. Шеф настоящий профессионал, но иногда ему в голову приходят странные идеи. И, как он сам только что отметил, делом Лазаревой занимается бригада под моим руководством. Не следует начальнику выхватывать у меня из рук вожжи правления.

Глава 7

– И чем ты недовольна? – усмехнулся Глеб Валерьянович, когда все ушли.

Я похлопала себя по щекам:

– Теряю квалификацию, мне казалось, что на моем лице не отображаются негативные эмоции.

– Ты выглядишь прекрасно, – заверил Борцов, – но старого лиса не проведешь, это я о себе говорю.

– Все в порядке, – сказала я.

Глеб Валерьянович встал:

– Танюша! Тебе не по нраву идея Ивана о внедрении в турагентство. Между нами говоря, я тоже не в восторге от этого предложения. Но учти несколько факторов. Первый. Инна Голикова не простой клиент, она...

– Старая и, похоже, единственная подруга матери шефа, – перебила я.

На лице Борцова отразилось искреннее удивление.

– Откуда ты знаешь?

– Босс сказал, – ответила я.

– Да ну? – поразился эксперт. – Интересно. М-да. Тогда сразу перейду ко второму пункту. Иван любит мать, а та тревожится за Голикову, Инна очень близкий Рине человек, та хорошо понимает, какой тяжелый характер у подруги.

– Рина? – удивилась я. – Это кто?

Глеб Валерьянович подошел к окну.

– Мама Ивана.

– Мне казалось, у нее другое имя, – пробормотала я.

Борцов прищурился:

– Ей очень не нравится имя, которое ей дали при рождении, поэтому она еще в студенческие года нарекла себя Ириной. Хорошие знакомые называют ее Риной, совсем близкие величают Ирикой. Не Ириша. Ирика, через «к». Это Ваня придумал, в детстве у него были проблемы с произношением ряда звуков, вместо «ш» у ребенка получалось «к». Никифор обращался к супруге – Ириша, сын копировал папу, но у него выходило «Ирика».

– Забавно, – улыбнулась я, – невозможно представить шефа картавящим мальчиком.

– Все когда-то были детьми, – вздохнул Борцов, – даже я. Уверен, что Рина, отлично зная, как Инна обожает Лешу, очень хочет помочь Голиковой и клюет мозг Ивану. А он почти-тельный сын и тревожится о здоровье мамы, не желает, чтобы та нервничала. Танюша, у тебя на лице появилось выражение ужаса. Чем я тебя так напугал?

– Простите, Глеб Валерьянович, – вздохнула я, – ужас я испытываю не от работы. У меня качается зуб, он на штифте, надо идти к дантисту. До паники боюсь стоматологов. Все надеюсь, что обойдется, не потребуется встречаться с бормашиной. А потом задеваю коронку языком – и ужас-ужас-ужас.

Эксперт пошел к двери:

– Если когда-нибудь встретишься с Риной, знай, дама терпеть не может обращения по отчеству. И она слишком хорошо воспитана.

– Воспитание может быть слишком хорошим? – усмехнулась я.

Глеб Валерьянович взялся за ручку:

– Я знаком с Ирикой давно, бываю у них в доме, сейчас реже, чем раньше, когда был жив Никифор Иванович, но раз в два-три месяца забегаю. За долгие годы общения я ни разу не видел Рину в халате, с растрепанными волосами, без легкого макияжа. На столе в гостиной

всегда кружевная скатерть, чай подается в красивых чашках, никаких кружек. Ирика не позволяет себе закричать, устроить истерику, она всегда в ровном настроении.

– Тетя-робот, – вздохнула я, – наверное, у дамы никогда штифтовые зубы не качаются.

– Нет, – возразил Глеб Валерьянович, – она человек, идеально владеющий собой. У меня Рина вызывает чувство уважения. А зубы надо лечить, штифт не прирастет, если закачался.

– Ясно, – кивнула я, – босс побаивается авторитарную мамашу. Что-то мне подсказывает: идея превратить меня в сотрудницу «Светатура» принадлежит Ирине.

– Рина не вмешивается в рабочие дела единственного сына. Ей это даже в голову не взбредет, – возмутился Борцов. – Ты ошибаешься. Поверь, Ирика просто нервничает из-за подруги, а Иван попадает с ней в резонансные колебания. Мысль о причастности Иры к расследованию – абсурд. Она немолода и понятия не имеет, чем занимается сын... Разболтался я, надо работать. Пороюсь в результатах вскрытий всех покойных мужей Лазаревой, авось что-то занимательное выплывет. Танюша, идея о временной работе в турагентстве не особенно хороша, но Рина к ней отношения не имеет.

Борцов дернул дверь и спешно ретировался в коридор. Я осталась в кабинете одна, в голове толкались острыми локтями разные вопросы. Почему Глеб Валерьянович, услышав мое предположение насчет того, кто придумал отправить меня поработать в турагентство, так занервничал? Борцову совершенно не свойственна экзальтация, он должен был просто сказать: «Рина не из тех, кто сует нос в дела сына». А он принялся бурно возражать. Странно, однако. И в отсутствии логики до сих пор Глеба Валерьяновича нельзя было упрекнуть. Но пару минут назад он обронил фразу: «Мать понятия не имеет, чем занимается сын». Может, это и так, сотрудники особой бригады не имеют права сообщать о своей работе никому, даже близким родственникам. Но, если Ирина не в курсе, где служит Иван, почему она попросила его выяснить, убивала ли Вера своих мужей? Думаю, шеф докладывает мамочке все рабочие новости, а в ее голове созревают «ценные» идеи, ну, например, такая, как направить Сергееву в «Светатур»...

– Эй, ты спишь? – спросила Кира.

– Нет, – быстро ответила я, выплывая из своих мыслей, – внимательно тебя слушаю.

– Согласна?

– На что? – не поняла я.

– Не надо врать, что мои слова достигли твоих ушей, – надулась Ручкина, – но я не гордая, повторю. Хочу сгонять на часок в магазин. Посидишь пока одна?

– Светлана Алексеевна и Лена в офисе, – напомнила я, – только Лазарева куда-то смылась.

– К ВИП-клиентке на дом отправилась, – пояснила Кира, – есть у нас особо звездные, запахло им самим в контору приехать. Если Светка тебя после испытательного срока оставит, познакомишься с ними. Жесть! Нечаева и Ленка сейчас кофе пить порулили, не скоро вернутся. Так я сношусь туда-сюда? Если придет выгодный клиент, сама с ним не занимайся, напортачишь – и тебя в фирме не оставят, скажи: «Я секретарь. Оставьте свой номер телефона, наш самый опытный сотрудник Кира с вами свяжется». Принести тебе пончик?

– Спасибо, не люблю сладкое, – ответила я.

– Ясенько, – захихикала Кира, – на диете сидишь. Ну, успеха тебе на ухабистом пути самоограничения и истязания голодом. Я вот не заморачиваюсь, ем, что хочу. Если кому-то моя фигура не нравится, это его проблема. Меня все устраивает.

Ручкина ушла, а я окинула кабинет взглядом. В офисе сейчас ни души, отличный момент пошарить в письменном столе Лазаревой, вдруг у нее там нечто интересное припрятано? Вера единственная из служащих, кто тщательно запирает ящик и дверцу. Но ни один замок для меня не проблема.

Я вынула из сумочки отмычку и на раз-два открыла запоры. Ну-ка, скажите честно, что лежит в ящиках вашего рабочего стола? У меня там полно всякого беспорядочно сваленного барахла. Каждый раз, роясь в выдвижном ящике, я говорю себе: «Завтра непременно выкину ненужные вещи, все необходимое сложу в стопочки». Но на следующий день времени разгрести кучу, состоящую из ластиков, скрепок, шариковых ручек, карманных календариков, карандашей, фантиков, бумажек, опять не находится. А вот внутренний мир письменного стола Веры оказался другим. Справа лежала толстая тетрадь в черном кожаном переплете, на обложке не было изображений котят-щенят-медвежат-утят. Я открыла находку и увидела множество красивых рисунков. Картинки были выполнены цветными карандашами, они поражали тщательно выписанными деталями, у всех человечков были лица, пальцы на руках, волосы, одежда с пуговицами, ремнями, карманами. Художник очень старался, похоже, потратил на создание картинок немало времени. И на каждом листочке вверху было название: «Пьем чай в сентябре в чуланчике. Федя, Гена Волков и я», «Катаемся на мопедах в сентябре. Гена Волков и я», «Толя Паскин, Семен Кратов, Гена Волков и я занимаемся в январе танцами», «Гена Волков поступает в университет», «Володя Сачков, Гена Волков, Толя Паскин, Семен Кратов и я летим на самолете в октябре на море». Героями всех рисунков были одни и те же четыре мальчика и Вера с братом Федором. В тетради оказалась уйма листов с жанровыми сценками. По слегка обтрепанному уголку мне стало понятно, что ее часто листают. И последний рисунок еще не закончен, на нем пока изображены лишь лес и избушка без крыши. Над этим сюжетом Вера еще трудится. Похоже, Лазарева самодеятельная художница, очень аккуратная, дотошная к деталям, но не особенно талантливая.

Мне показалось, что тетрадь не представляет интереса, но я старательно сфотографировала все страницы. На внутренней стороне обложки нашлась запись, сделанная ровным круглым почерком аккуратистки: «Если вы нашли этот альбом, верните его Вере Лазаревой за солидное вознаграждение, он мне очень нужен». Далее шел номер телефона.

Я закрыла тетрадь с рисунками и продолжила ревизию сусеков стола черной вдовы. Слева обнаружила линейку, ластик, карандаш и... Ни в ящике, ни в тумбе на полках более ничего не было.

Дверь кабинета тихо заскрипела, я метнулась на свое место и, лишь плюхнувшись с размаха на стул, сообразила, что не заперла стол Веры. Но исправлять промах уже было поздно. Створка распахнулась. И в комнату вошла Лена.

Глава 8

Из моей груди вырвался вздох облегчения. Слава богу, это не Лазарева, сейчас соображу, как выманить блондинку из комнаты и закрыть ящик с тумбой.

– Спишь? – весело спросила Лена. – Народу нет.

– Пытаюсь понять, где в городе Михайловске пятизвездочный отель, – пробормотала я, уставившись в компьютер.

Лена засмеялась:

– Его там нет. Российские гостиницы – это жуть. Те, что именуются элитными, в Париже бы и две звезды не получили. Правда, в Москве-Питере-Екатеринбурге еще можно найти приличный номер, но стоит он будет о-го-го сколько. А в каком-нибудь Нижнеглубинске или Верхнеидиотске жечь прямо. И дорого непомерно, и номера гадкие.

Лена, продолжая возмущаться, села за свой стол.

– Вот, например, городок Макин. Чем он знаменит? А ничем! Но через него автобусы с паломниками едут, потому что в двухстах километрах от Макина остров расположен посередине гигантского озера, просто моря. На нем стоит старый монастырь, там есть чудотворная икона. К святыне спешат приложиться верующие. Дорога к богоугодному месту долгая, в Макине паломники ночуют, для них есть три гостиницы. Одна обычное общежитие, его монахини держат. Там общий душ, спать предложат в комнате на двадцать человек, но белье на постели чистое, и завтрак дадут бесплатный: кашу, хлеб и чай с сахаром. Переночевать стоит девяносто пять рублей. Но в хостеле всего сорок мест, а паломников в разы больше. Куда им деться? Рулить в две другие гостиницы, в «Макин-Плаза» и «Макин-Империл». По пять звезд на фасаде у каждой. Самый дешевый номер сто пятьдесят евро в сутки, завтрак оплачивается отдельно, за него десять евриков отстегнуть надо. И с какого перепуга в этом городе цены в валюте? Где Европа и где Макин? На что хозяева рассчитывают? На приезд звезд Голливуда?

– Тур за границу здесь купить можно? – раздался звонкий женский голос.

Мы с Леной обернулись и увидели колоритную тройцу: полного мужчину лет сорока в рваных джинсах и слишком узком пуловере, остроносую тетку в норковой шубке и девочку лет четырнадцати в розовом коротком пуховичке, красной юбке и зеленых сапожках, усеянных стразами.

– За границу хотим поехать на Новый год, – продолжала женщина, – семьей. Муж, я и Галочка.

Девочка вытащила из сумочки наушники, надела их на голову и закатила глаза.

– Шестьдесят пять тыщ – и больше ни копейки, – объявил глава семейства и громко икнул.

По офису поплыл сложный аромат, в котором преобладали ноты перегара и чеснока.

Я посмотрела на Лену, та навесила на лицо самую сладкую улыбку и запела:

– Добро пожаловать в «Светатур», вы обратились по лучшему адресу. Сейчас вами займется наша опытейшая сотрудница, победитель конкурса «Турагент года» Татьяна Сергеева. Вот она!

Клиентка посмотрела в мою сторону.

– Здравствуйте! Куда сесть можно?

Мужчина молча плюхнулся на один из стульев у моего стола и снова икнул. На сей раз на меня повеяло чем-то вроде лаванды, смешанной с сахаром и алкоголем. Я чихнула. Может, посетитель употребил в качестве аперитива ополаскиватель для белья под названием «Аромат Эвереста»? Помнится, когда я его первый раз понюхала, то решила, что никогда не поеду в горы, уж очень противно они пахнут.

– У нас есть требования, – затараторила жена, – но сначала скажите, для семьи с тремя детьми скидка будет?

– Секундочку, – попросила я, встала, подошла к Лене и шепнула: – Светлана Алексеевна приказала мне заняться организацией тура по России для небогатой клиентки. С заказчиками, которые хотят за границу, должны разбираться опытные сотрудники.

Лена скорчила мину:

– Скажи спасибо, что даю возможность потренироваться на кошках, – когда настоящий солидный клиент появится, ты уже обучена будешь. Поглядывай на меня, буду подсказывать. Тебе же все рассказали, программа на компе есть?

Я кивнула.

– Тады вперед, – приказала блондинка, – пришла пора применить теоретические знания на практике. Начинай.

Я вернулась на свое рабочее место, поводила мышкой по коврику и начала общение с клиентами.

– Как вас зовут?

– Кого? – заморгала тетка. – Меня?

– Вас, – повторила я.

– Я это я, – ляпнула клиентка.

– Мама, – пробурчала дочь, – ей нужно твое имя.

– Наталья Позднякова, – представилась посетительница, – дочь у меня Галя, муж Жора. Так как насчет троих деток?

Я посмотрела на экран:

– Есть отели, которые предлагают хорошие условия семьям. Но сначала давайте выясним, где вы желаете отдохнуть?

– За границей, – заявила Позднякова.

– Шестьдесят пять тысяч, – икнул мужик, – и больше ваще ни копейки.

– За границей, – попугаем повторила его спутница, – мы всегда в жарких странах отдыхаем, в России не хотим. Дорого, сервиса нет, кормят плохо. Никогда еще у нас на пляже не лежали, но знаем, что там гадко будет.

– Хочется понять, в какую страну вы собираетесь, – терпеливо уточнила я.

– Нам по фигу, – проворчала девочка, – только не в старперский отель, в прошлом году родители поперлись хрен знает куда, так я чуть не сдохла от скуки. В десять вечера все закрывалось, ни клуба, ни дискотеки, валите дрыхнуть, пожалуйста. Завтрак в шесть! Взбеситься можно. Потом на рецепшен узнала: гостиница из разряда «Терминатор вернулся». Одни старики в ней селятся, для них такой режим. Если опять такое дерьмо купят, то без меня. Я с Машкой в Крым махну.

– Через мой труп, – отрезала мать.

Дочь показала ей язык, Позднякова открыла было рот, но ее опередил папаша:

– Слушать меня. Чьи деньги? Мои. Значит, я парадом команду. Летим на Новый год. Тридцать первого будем за границей. Чего хотим: море теплое, солнце, пляж-песок, номер с окнами на воду. Еда... эта... ну... от Аллы... Как ее... черт... Алла...

Я посмотрела в компьютер, потом исподтишка на Лену, та округлила глаза. Похоже, Воробьева тоже понятия не имеет, о какой Алле ведет речь мужчина.

– Папа, – с презрением в голосе протянула дочь, – сколько повторять можно. All inclusive. То есть все включено. Хоть два слова по-английски-то выучи.

– Во! – обрадовался дядька. – Точняк. Чтобы жарка без ограничений и пивасика залиться.

– С этим проблем не будет, – сказала я.

– Тогда говорите, какой отель, – потребовал мужик.

– Остынь, Жора, – велела жена, – у тебя на уме только поесть, выпить и еще кой-чего.
– Чем на отдыхе-то еще заниматься, – искренне удивился муж, – ну, могу Смолякову почитать. Для культурного развития.

Дочь закатила глаза:

– Отстой в стакане! Хуже Смоляковой только учебник по ОБЖ.

Наталья легла грудью на мой стол:

– Теперь мои пожелания. Одной гулять охота, другому тело ублажать. О душе они не думают. Я экскурсии обожаю. Лувр. Там картин много. Сделайте нам туда билеты.

Лена издала звук, похожий на сдавленный смешок, а я поняла, что мои первые клиенты сложные люди.

– Музей Лувр находится в Париже.

– И чего? – нахмурилась Наталья. – Наши соседи там были, им понравилось. Правда, говорят, народу много, и Петьку с мороженым в зал не пустили, но интересно. Вера там красивую тетку увидела, из камня. Потом она ее внизу в магазине купила, совсем недорого. И эту, ну... такую... без рук.

– Венеру Милосскую, – подсказала я.

– Мама, – простонала дочь, – тетя Вера купила постер с теткой, сидит такая загадочная, с улыбкой.

– Джоконда? – предположила я. – Но у нее есть руки.

– И у той они есть, – зачастила школьница, – мама все путает. Ту, которая стоит полуголая, тетя Вера из Греции приперла, а эту Лизу из Парижа.

– Мона Лиза, – вздохнула я, – картина Леонардо да Винчи.

– Не-а, – потрясла головой девочка, вынимая телефон, – другой автор, ща покажу.

Я откашлялась:

– Если есть желание походить по музеям, то можно слетать в столицу Франции. Но там нет моря.

– Почему? – удивилась Наталья.

Отличный вопрос!

– Потому что так исторически сложилось, – нашла я ответ. – Париж стоит на Сене.

– Господи, как же дома на сухой траве держатся? – изумилась Позднякова. – Нет, туда не надо. Теплый океан, пятизвездочный отель...

– Во, позырьте, – обрадовалась Галя и сунула мне под нос свой дорогой айфон, – фотка.

Я посмотрела на экран, там был снимок постера Джоконды, внизу напечатано по-русски: «Моня Лизавета. Автор Ван Гог».

– Тетя Вера в Париж летала, – перекатывая языком жвачку, объяснила девочка, – в музей там можно все картины купить, на разных языках. Иностранцы о туристах заботятся, не то что у нас, где на всех плевать.

Я постаралась сохранить спокойное выражение лица. «Можно все картины купить, на разных языках». Да Галя златоуст, не всякий человек так выразится. А младшая Позднякова продолжала:

– А перед музеем та же мазня, но в три раза дешевле. Тетя Вера не дура, взяла, где денег меньше просили. Ван Гог автор, а не тот, про кого вы говорили.

– Джоконду написал Леонардо да Винчи, – ввязалась я в глупый спор, – еще эту его картину называют Мона Лиза, а не Моня Лизавета. Уличные продавцы постеров в Париже люди не особо образованные, вот и ошиблись.

– Зато вы самая умная, – надулась Галя, – написано: Ван Гог. Чего возражать? И мы клиенты. С деньгами. А клиент что? Всегда прав!

– Замолчи, – приказала мать.

– Алла Ключив, – ожил Жора, – с пивасиком.

– Папа! – простонала девочка.

– Замолчи, Галка, – велел отец, – у кого деньги, тот и банкует. Ты сколько зарабатываешь? Дочка поджала губы.

– Вот и сиди так, – приказал папенька.

– Я говорю сейчас, – обозлилась Наташа, – нам нужно туда, где запрещено купаться топлес, а то в прошлом году Жорка только на баб пялился. И чтоб быстро лететь. А то мы сидели в самолете девять часов с гаком, у меня ноги в тумбы превратились. А потом на пляже разговорились с другими русскими, они давно в Испании живут, и представьте, они летели всего два с половиной часа. Разве это честно? Обманули нас в турагентстве, купили билеты на тупой рейс, он во много раз медленнее летел, пешком шел.

– А где вы отдыхали? – поинтересовалась я.

– На Канарах, – протянула Галя, – не парьтесь. Матери бесполезняк объяснять, что из Испании туда лететь быстрее, чем из Москвы. А в отеле она бучу подняла, пожаловалась на рецепшен, что в номере свч-печка не работает. Ей администратор говорил: «Простите, номера не оборудованы подобной техникой». Но разве мать убедить? Она ему в ответ: «А у нас есть! Идите и посмотрите». Портье попер, и чего?

Галя расхохоталась:

– Мать его привела и злится: «вот, любуйтесь, поставила суп в стакане, жму на кнопки, жму, а она не пашет!»

Галина согнулась пополам от смеха.

– А он... он... он в ответ: «Простите, это сейф, он еду не подогревает».

Наталья покраснела:

– Вам понятны наши желания?

– Еще! – встрепенулся Жора. – Только не Венгрия!

– Почему? – удивилась я. – Прекрасная страна.

– Там очень много обезьян, – ответил папаша, – они у меня кошелек украли.

– Папа, – хихикнула Галя, – деньги у тебя свистнули на Маврикии.

– И все равно не хочу в Венгрию, – заявил отец, – раз я сказал, так и будет, потому что...

– У тебя деньги, – договорила дочь.

Я сгребла в кучу остатки самообладания:

– Если сложить ваши предпочтения воедино, то лучше всего вам отправиться в Египет, Арабские Эмираты или Таиланд. Там будет тепло, вкусно, весело и можно съездить на экскурсии. Вот только Лувра нет, а все остальное в наличии.

– Шестидесят пять тысяч, больше ни копейки, – попугаем твердил отец семейства.

Я глянула на экран ноутбука и забубнила:

– Бюджет не очень велик. Что могу предложить? Берите Таиланд, лететь далеко, но жизнь там дешевая. Сходите на массаж, на разные шоу... Вот, например, отель «Брах». Три звезды, завтрак включен. За новогоднюю ночь, правда, отдельная плата, но дорого не берут. Есть бассейн с морской водой. По вечерам дискотека, открыт клуб, танцы до утра.

– Супер! – заликовала Галя.

– Если возьмете один семейный номер, то сэкономите, – пела я, – а с билетами можно так. Давайте проложим маршрут с пересадками. Получится дольше, но в финансовом плане выгода ощутимая. Правда, проездные билеты будут без возврата...

– Эй, эй, – забеспокоилась Наташа, – это чего, нас обратно не вернут? Не хочу в Таиланде навсегда оставаться, у меня планы кошку в январе окотятить. Жених к ней из Красноярска прилетит, моя Муська лучшая в Европе.

– Мама, – протянула Галя, – давай обойдемся без рассказов о животных, надоело.

– Вы непременно вернетесь домой, – заверила я, – просто эти билеты нельзя сдать, если передумаете отдыхать.

– И скока платить окончательно? – надулся Жора.

– Где-то семьдесят тысяч за неделю получится, – осторожно произнесла я, – но это не точно, окончательно цифра определится, когда мы побеседуем с отелем и авиакомпанией.

– Ни фига се цены стартанули, – почесал затылок Жора, – хочу в шестьдесят пять втиснуться.

– Стойте! – подпрыгнула Наташа. – А семейная скидка! У нас трое детей.

Я замялась:

– Какой возраст ребят?

– Галке тринадцать, Кольке тридцать один, Аньке двадцать восемь, – отрапортовала Позднякова.

Лена рассмеялась, потом сказала:

– Ой, чего только в Интернете не напишут, кругом одни сумасшедшие.

– Сомневаюсь, что отель вам скидку даст, – пробормотала я.

– Почему? – набычилась Наташа. – Везде в гостиницах указано: с детьми льготы.

– Тридцатиднолетнего мужчину и женщину младше его на три года не причислят к категории детей, – пояснила я.

– А кто же они? – рассердилась мать семейства. – Коля мой сын от первого брака, я его рано родила, Аня жена ему, она мне как дочь. Дети они. Скажи, Жора!

– Угу, – кивнул муж, – спиногрызы. Мозгоеды. Ну и цены! На Канарах мы за пятьдесят тыщ отдохнули!

– Это невозможно, – не выдержала Лена, – если вчетвером летали, то просто фантастика. Туда-назад одни билеты в триста штук встанут.

– Не, – возразил Жора, – загнули вы. Мама, сколько мы за самолет отдали?

Наташа сдвинула брови:

– Уж не помню.

– Не одну штуку евро, – подсказала Галя, – ты еще в самолете кричала: «Что за обслуживание? Почему в бизнес-классе окна не открываются, мне душно, хочется свежего воздуха, поднимите раму».

– Вы летели бизнесом? – уточнила Лена.

– А чем еще? – хмыкнул Жора. – Не в экономе же тащиться? Там выпивку не разносят на халяву, еда парашная, ноги не вытянуть. Я все детство с родителями в плацкарте в Крым катался. Наелся дороги. Теперь хочу красиво отдыхать. Но больше шестидесяти пяти тысяч не потрачу!

– Долларов? – осенило меня. – Вы не о рублях говорите?

– Евриков, – уточнил Жора. – А че?

Лена вскочила и ринулась к моему столу.

– Стыковочные рейсы неудобные. И трехзвездочный отель, который Татьяна предложила, э... на ремонте тридцать первого декабря будет. Только что они нам сообщили. Пересаживайтесь ко мне! И скидочку вам сделаю, и подарочек получите от нашей фирмы.

– Хороший разговор пошел, – обрадовалась Наталья.

Поздняковы перебрались к столу Воробьевой, а я выдохнула и уткнулась в компьютер. Но через пять минут оторвалась от монитора, хотела налить себе кофе, и тут дверь распахнулась, появилась женщина в сером пальто. Она оглядела кабинет, потом громко и четко произнесла:

– Где эта дрянь?

Глава 9

– Таня, займись, – буркнула Лена, страстно убеждавшая Жору, что его семья просто обязана жить в президентском номере.

Я заулыбалась:

– Вы кого-то ищите?

– Кошку драную, – заявила женщина лет тридцати пяти, – белую с черными полосами, рыжими волосами на голове.

– У нас в офисе нет животных, – пояснила я, – на первом этаже расположен зоомагазин, вероятно, там...

– Издеваешься? – прищурилась посетительница. – Сама такая, да? Вы тут все кошки? Прикрылись вывеской турагентства, а сами над людьми издеваетесь? Я найду на вас управу!

Лена посмотрела на меня и повертела пальцем у виска, но я уже и сама поняла, что клиентка не совсем здорова. Следовало позвонить охране, попросить вывести скандалистку, я потянулась к телефону, а незнакомка вдруг заплакала, да так горько, что меня укусила жалость. Я встала.

– Как вас зовут?

– Любовь Павловна, – вытирая слезы, вполне разумно ответила больная.

– Пойдемте в нашу комнату отдыха, – предложила я, быстро засовывая в карман жакета трубку местного телефона, – она маленькая, но уютная, попьем чайку или кофе. Вы что предпочитаете?

– Мне теперь вообще все безразлично, – устало ответила Люба.

Я фамильярно взяла ее под руку, ощутила, как она дрожит, и продолжила:

– В офисе слишком много народа, не пообщаться по-человечески. А в соседнем помещении есть зефир, конфеты, булочки, там тихо и уютно.

Продолжая нести ерунду, я вывела несопротивляющуюся клиентку в маленький холл, толкнула соседнюю дверь и сделала приглашающий жест.

– Прошу вас, устраивайтесь. Хотите бутерброд с сыром? Хлеб свежий, когда я его утром покупала, еще горячий был. Масло отличное, «Вологодское», родное, всегда внимательно читаю упаковку. Если написано «Вологодское», а ниже стоит «произведено в Москве», я его не беру, а вот ежели вижу «сделано в Вологде», хватаю сразу...

– Думаете, сумасшедшая к вам пришла? – перебила меня дама. – Дурдом по мне плачет? Поэтому сюда привели и угощать собрались?

– Что вы! – слишком бурно возразила я. – Конечно нет. Психически нестабильные люди совсем иначе выглядят.

– Может, у меня и правда с головой неполадки, но эта кошка... – продолжила Любовь Павловна и замолчала.

Я села к столу, пододвинула к клиентке вазочку с пряниками, кружку с чаем и спросила:

– Значит, вас напугало животное. А почему вы приехали в «Светатур»?

– Она тут работает, – ответила Любовь, – дрянь!

– Кто? – продолжала я беседу, незаметно доставая из кармана трубку.

Сейчас больная начнет есть и отвлечется, а я воспользуюсь моментом, быстренько соединюсь с охраной, скажу какую-нибудь чушь вроде: «Принесите нам срочно варенье». Надеюсь, парни сообразят и мигом прибегут сюда. Сумасшедших лучше не злить, Любовь Павловна не должна догадаться, что я вызываю подмогу, в противном случае она может впасть в агрессию.

– Вера Лазарева, – прошептала гостя, – она убила моего мужа.

Я запихнула трубку назад в карман.

– Вера лишила жизни вашего супруга?

Любовь Павловна вздрогнула, схватила чашку, залпом опустошила ее и обхватила голову ладонями.

– Господи, зачем я сюда приперлась? Похоже, на самом деле умом тронулась. Как вас зовут?

– Татьяна Сергеева, – представилась я, – готова вас выслушать и помочь.

Любовь Павловна опустила руки:

– Вы добрый, сострадательный человек. Можете оказать мне услугу?

– Смотря какую, – предусмотрительно ответила я, – но постараюсь выполнить вашу просьбу.

– Не говорите ей, что я приходила, – протянула Любовь Павловна, – у меня просто... просто... пожалуйста, забудьте. Господи, я и впрямь с ума сошла. Зачем? Зачем приехала? Да еще ее имя назвала. Я вовсе не дура – и вот так поступила. Боже. Все! Ухожу. Прощайте. Я просто больна, у меня... э... шизофрения. Вот. Скажите своей коллеге, что... ну... прибежала идиотка. И меня зовут не Любовь Павловна. Нет, нет, совсем не так. Вера Лазарева ни при чем. Володя с собой покончил.

Собеседница встала и сделала шаг к двери.

– Любовь Павловна, – остановила я ее, – не имею права это говорить, но вам скажу. Я сотрудник полиции, а устроилась в агентство, чтобы проследить за Верой. Расскажите, пожалуйста, что случилось с вашим супругом? Как его звали? Володя?

– Думаете, я поверю вам, – скривилась посетительница. – Да, я сорвалась, совершила глупость, примчалась сюда на пике негативных эмоций. Но я же не идиотка. Вы в одной комнате с Лазаревой сидите, дружите с ней. Имейте в виду, она преступница! Кошка! Она и вас убьет. Прощайте.

Гостя повернулась ко мне спиной и схватилась за ручку двери.

– Ой! – воскликнула я. – Господи, что это?!

Посетительница, как и ожидалось, обернулась. Я быстро нажала на значок фотокамеры на экране айфона, раздался тихий щелчок. Любовь Павловна вскрикнула и убежала.

Я моментально отослала фото Роберту и тут же соединилась с Трояновым:

– Немедленно отложи все дела и найди эту женщину. Ее имя Любовь Павловна, отыщи все, что на нее есть. Она говорит, будто Вера убила ее мужа.

– Понял, – коротко ответил наш компьютерный шаман и отсоединился.

Первая, на кого я наткнулась, выйдя через пять минут в холл, оказалась Лазарева.

– Ты где была? – неожиданно спросила она.

– К нам сумасшедшая заявила, – захихикала я, – такую пургу гнала! А у Лены сидел жирный клиент, она велела мне увести тетку. Пришлось психованную пряниками угощать.

– Долго чаепитие в Мытищах длилось? – насупилась Лазарева.

Я пожала плечами:

– На часы не смотрела, может, полчаса, а что?

– Ничего, – буркнула Лазарева и ушла в общий коридор.

Не понимая, по какой причине Вера, демонстративно не замечавшая ранее новенькую, сейчас затеяла этот разговор, я вернулась в рабочую комнату.

– Дура! – выпалила Лена. – Хамлю!

Я попятилась:

– Что я сделала плохого? Уговаривала сумасшедшую уйти, она не сразу согласилась, пришлось ее чаем поить.

– Да не о тебе говорю, – отмахнулась Воробьева, – о Лазаревой. Сегодня полнолуние? Или солнечное затмение?

– Вроде нет, – еще сильнее удивилась я, – хотя я не слежу за астрономическими явлениями, не верю, что волосы надо стричь...

– Лазарева взбесилась, – перебила Лена. – До сегодняшнего дня сидела тихо, ничем личным не занималась, только работой, на нас с Киркой ноль внимания, перед Светкой лебезила. Обычная карьеристка, пришла в сложившийся коллектив, решила выше всех взлететь, чтобы моих ВИП-клиентов себе захватить. А вот ей!

Лена сделала неприличный жест рукой.

– Прости, ничего не понимаю, – пробормотала я. – Что произошло?

– Не успела я Поздняковых проводить, как эта дрянь появилась, – повысила голос Елена, – села за свой стол, а я на компьютере работаю. И вдруг эта... мурлычет: «Леночка, а почему ты в комнате одна?» Я, наивная, подвоха не ожидая, отвечаю: «Светлана по делам порулила, Кирка небось обедать пошла, она всегда в это время хаваает, а новенькой я велела с идиоткой разобраться. Приперлась сюда, на всю голову стукнутая, а у меня семья олигарха сидела!» Верка встала, подошла к моему столу и сладко-сладко спрашивает: «Значит, ты тут одна восседаешь?» Потом раз! Все бумаги, что на столешнице лежали, на пол смела и прошипела: «За каким... ты в моем столе рылась? Замок открыла. Чего искала?» Я ничего не понимаю, а она! Хватит меня за плечи и как затрясет: «Сейчас полицию вызову! В столе лежал конверт, а в нем полмиллиона долларов. Теперь он исчез! Ты воровка! Тебя посадят!» Я сначала онемела, потом от растерянности оправдываться стала. Дескать, никогда чужого не возьму, в сумки-стоны коллег не заглядываю. Лазарева меня отпустила, к двери пошла, обернулась и заявила: «В другой раз, когда решишь покрсытничать, запирай то, что отперла». И в холл выскочила. Что это было, а? Она с ума сошла? Клиенты в кассу платят! И разве пол-лимона баксов в конверт влезет? Верке надо мозг лечить. Бред!

У меня в кармане заворчал мобильный, это был Роберт. Я поднесла трубку к уху:

– Привет, Катюша.

– Вокруг народ развесил любопытные уши? – сразу догадался Троянов. – Можешь смыться?

– Конечно. Я на работе. Ой! Неужели! Боже, сейчас попробую отпроситься, – на одном дыхании выпалила я. – А ты уверена? Ой-ой-ой!

Лена сразу забыла о странном поведении Веры.

– Тань, что случилось?

Я постаралась изобразить смятение.

– Соседка звякнула. Дверь в мою квартиру открыта, а я хорошо помню, что утром запирала ее, всегда за ручку дергаю, проверяю, защелкнулся ли замок. Катя предположила, что ко мне залез вор.

– Езжай скорей домой, – велела Лена, – если чего пропало, вызывай полицию.

– Светлана Алексеевна ругаться будет, – вздохнула я.

– Не переживай, я все Нечаевой объясню, она хороший человек, – успокоила меня Лена. – Давай, не тормози, беги к метро.

Я поблагодарила Воробьеву, поспешила в сторону подземки, но не спустилась вниз, забежала в торговый центр, села на парковке в свой джип, выехала на проспект и набрала номер Троянова.

Роберт заговорил без долгого вступления:

– Любовь Павловна Сачкова, домохозяйка. Вдова Владимира Николаевича Сачкова.

– Знакомая фамилия, – протянула я, вспомнив тетрадь с рисунками.

– Мужчина покончил с собой два месяца назад, – продолжил Троянов, – прыгнул под поезд метро. О суициде не написал только ленивый. Владимир известный актер, снимался в сериалах.

– Точно, – вспомнила я, – еще он на каком-то канале вел развлекательное шоу.

– Сачков оставил традиционную записку: «В моей смерти прошу никого не винить». Предсмертное послание нашли в кармане его пиджака вместе с паспортом. Целый месяц пресса строила версии, борзописцы пытались сообразить, почему известный артист решился на столь отчаянный шаг. Владимир Николаевич еще в юности женился на Любове Филимоновой, детей у них не было. Пара считалась одной из самых крепких среди селебритес. Никаких слухов о загулах Владимира не циркулировало, шашни с партнершами по съемочной площадке он не заводил. Любовь Павловна ни в чем плохом не замечена, никогда не попадала в зону внимания полиции. Проживает в Горбатом переулке, имеет новую иномарку, совсем недорогую. Отец ее, Филимонов Павел Михайлович, был известный художник, обласканный советской властью. Сачкова до сих пор занимает квартиру, которая ей от него осталась. Это все. Сбросить тебе адрес?

– Да, – ответила я, получила эсэмэс, включила навигатор и забила в него адрес Сачковой.

Глава 10

Удивительное дело, но на двери подъезда не было домофона, а у лифта не сидела консьержка. Я вошла в парадное, увидела широкую старинную лестницу с чугунными перилами и решила подняться на второй этаж пешком. На третьей ступеньке в кармане затрясся телефон.

– Ты где? – спросил Иван Никифорович.

Я быстро рассказала шефу про Любовь Павловну.

– Интересно, – обрадовался начальник. – Ты помнишь, что сегодня приглашена на ужин к Рине?

– Конечно, – заверила я, совершенно забыв о визите к матери босса.

– Адрес я тебе отправил, – сказал Иван, – не опаздывай, Ирика очень не любит, когда гости задерживаются. Она сама готовит, запланировала омлет Ньютона, а он имеет обыкновение терять вид и вкус, если его не съесть сразу после того, как из духовки вынули. Надеюсь, ты не против такой еды?

– Обожаю блюда из яиц, – заверила я, понятия не имевшая, что за зверь такой омлет Ньютона. – Приеду вовремя.

– Давай разузнай все у Сачковой, – потребовал Иван и отсоединился.

Я нажала на звонок, услышала веселый птичий щебет и приготовилась долго объяснять хозяйке через дверь, кто к ней рвется в гости. Но мне открыли сразу.

– Вы кто? – прищурилась Любовь Павловна. – Простите, лица не различу, наш экономный ТСЖ ввернул в подъездах лампочки... О господи! Как вы узнали мой адрес?

Я вынула из сумки служебное удостоверение.

– Госпожа Сачкова, пожалуйста, не волнуйтесь, посмотрите документ.

– Татьяна Сергеева, начальник особой бригады, – прочитала Любовь Павловна. – Так вы правда из полиции?

– Разрешите войти и все объяснить, – попросила я.

– Ладно, – протянула хозяйка, – сапожки снимите.

Я покорно скинула обувь и двинулась за Сачковой по длинному коридору, все стены которого оказались забиты книжными полками. Похоже, библиотека составлялась еще в советские времена, за стеклами стояли собрания сочинений русских и зарубежных классиков, произведения В. Катаева, Л. Леонова, К. Федина, К. Паустовского, С. Есенина, В. Маяковского. Современных авторов я не заметила.

– Присаживайтесь, – без особого радушия предложила Любовь Павловна, показывая на кресло. – Почему вы меня преследуете?

Я решила наладить со вдовой контакт:

– Как у вас уютно, очень необычная комната, огромная, восемь окон. Наверное, раньше это было не одно помещение?

Сачкова сложила руки на груди:

– Квартира принадлежала моему отцу, он ее получил после войны, то ли в сорок шестом, то ли сорок седьмом году. Раньше здесь была коммуналка, а до революции жил богатый купец. Павел Михайлович вернул апартаментам первозданный вид. Но вы же приехали не для того, чтобы беседовать об архитектуре?

– Сейчас мы занимаемся делом о кончине четырех мужчин, – начала я, – нить привела нас к одной женщине, которая связана со «Светатуром», мы незаметно проверяем всех сотрудников агентства, именно поэтому я и нахожусь в офисе. Мы не хотим открыто вызывать людей для разговора, зачем их травмировать? Ваши слова о том, что Лазарева виновата в кончине Владимира Николаевича, меня насторожили. Вера Петровна не криминальный человек, по нашим данным, она никогда никому не причинила зла, но вы, похоже, владеете информа-

цией, которая неизвестна моей бригаде. Господин Сачков совершил самоубийство, а вы обвиняете Веру в его смерти.

– Если вы узнаете правду, Лазареву накажут? – с надеждой спросила хозяйка.

– Смотря что выяснится, – ответила я. – Почему вы приехали в «Светатур»?

Любовь Павловна молчала, я тоже не произносила ни слова, тишина стала тягостной.

– Поклянитесь, что никто, кроме вас, ничего не узнает, – вдруг потребовала Сачкова.

– Не могу, – возразила я, – члены бригады обязаны докладывать на совещании о всех собранных фактах. Но они умеют держать языки за зубами, дальше нашего офиса сведения не вытекут.

Сачкова вздохнула и начала:

– У нас с Володей была очень хорошая семья. Мы полюбили друг друга в юные годы, встретились на школьном вечере и больше не расставались. Я училась в восьмом классе, а Вова в десятом.

Любовь Павловна тихо засмеялась:

– Я чуть от радости не умерла, когда он предложил меня домой проводить. Володя в школе считался первым парнем, на всех концертах читал стихи, пел, играл в самодеятельном театре. Звезда. Любая девочка с ним пошла бы, а Сачков выбрал меня, восьмиклассницу. Когда он в театральный институт поступил, подружки злорадствовали: «Ну, Любка, закопай свое чувство. Ты за партой чахнешь, а он студент. Знаешь, какие красавицы в его вузе толпятся? Ты рядом с ними и не сидела!»

Я очень расстраивалась, плакала, не понимала, что они из зависти меня достают. Володя смеялся и говорил: «Любанечка, мне никто, кроме тебя, не нужен». А я ему: «Докажи». И он доказал. На следующий день после моего восемнадцатилетия мы сходили в загс и поставили печати в паспортах. Отец меня чуть не убил. Сначала, когда мой паспорт увидел, за сердце схватился, Володю на улицу выгнал и давай меня чистить:

– Нашла голодранца из нищей семьи. Да у него мать полумойка. Сын швабры в артисты полез! В театре-кино все решают связи, а что есть у Сачкова? Тряпка его мамы?! Выгонят дурака из института. Да это и хорошо, если он вуз закончит, его в Москве не оставят, отправят в Хренкаовск. Будет он там «кушать подано» играть, спиваться и жену бить. Не такой судьбы я для любимой дочки хочу, разведись немедленно. Владимир тебя не любит, рассчитывает, что тесть-художник всю интеллигентную Москву знает и зятю поспособствует, с кем надо пошушукается и пристроит его во МХАТ. Помяни мое слово, едва хлыщ в известном театре окажется, сразу тебя бросит. Прощелыга он.

Мои попытки защитить мужа окончились неудачей. Я была молодая, обладала независимым характером.

– Куда намарафетилась? – спросил отец.

Я ему в ответ:

– Без тебя проживем! Ты деспот!

Папа у меня чемодан отнял:

– Ну тогда беги к мужу без ничего, не надо уносить с собой то, что отец-сатрап купил. Супруг тебя оденет-обует, в шубу укутает, бриллианты на шею повесит.

Я за порог, а папа в спину кричит:

– Покойная мать в гробу переворачивается. Если сейчас уйдешь, назад не пушу, пойми, не любит тебя Владимир.

И так меня его последняя фраза задела, что я обернулась и заорала:

– Откуда тебе знать про наши отношения? Это дело двоих, третьему там не место!

Павел Михайлович вдруг тихо произнес:

– Любаша, ты его любишь, а он тебя нет. Знаю, как мужик на бабу смотрит, в особенности спустя два дня после свадьбы. На лбу прямо написано: как бы ее поскорей в постель уло-

жить. А у Сачкова страсти во взгляде нет, огонь не пылает. Не получится у вас семьи, карьера у Владимира не сложится. А что касается третьего, то вдвоем вы в браке никогда не останетесь. Третий рядом всегда за спиной будет!

Любовь Павловна пересела на диван и закуталась в плед.

– Я дверью хлопнула и убежала. Три месяца мы с Володей жили нищими, но я на поклон к отцу не шла. Потом мужа пригласили на небольшую роль, он начал сниматься – и бац! Актер, игравший главного героя, умер. Ну прямо расхожий сюжет для пьесы. Звезда скоропостижно скончалась, съемочная группа в панике, спешно ищут того, кто текст назубок знает. А память у Володи отменной была, другой исполнитель говорит, а у мужа мигом его слова в мозгу отпечатываются. Вова оказался в нужном месте в нужный час. Да, он был щедро одарен, но к таланту надобна удача, и она мужу улыбнулась. Он прекрасно сыграл вместо покойного, вся страна вмиг влюбилась в него. Режиссеры после демонстрации той ленты к Володе в очередь выстроились, отец ко мне приехал, прощения попросил, отношения у нас наладились, но холодок остался. Я ему не могла злых слов про третьего, который всегда за спиной маячить у нас будет, простить, а папа старался быть с зятем приветливым, но тепла не ощущалось. Хотя, повторяю, никаких скандалов не было, общались мы мирно. Лишь один раз уже перед самой смертью в больнице папа сказал: «Детей у вас нет». «Мы от этого не страдаем», – ответила я. «Не получают?» – вдруг спросил отец.

Любовь Павловна выпуталась из пледа.

– Заведи он этот разговор раньше, я бы возмутилась его неделикатности, ненужному любопытству. Но папа уходил на тот свет, поэтому я ответила: «У меня проблема, Володя полностью здоров». Отец прищурился: «Не ври, дочка. Оба вы в норме. Просто у зятя страсти к тебе нет, огонь в глазах не горит. Вы хоть спите вместе? Или он супружеские обязанности не выполняет?»

Это было уже слишком. К счастью, именно в эту минуту в палату вошла медсестра, а я в коридор выскочила. Понимаете, папа угодил в точку. Дети у нас получались, я забеременела почти сразу после свадьбы, но мы с Володей тогда приняли решение подождать, хотели пожить для себя. Если уж совсем откровенно, муж наследников не хотел, говорил: «Как только ребенок появится, любовь умрет. Ты уйдешь в пеленки, забудешь про меня, так всегда бывает». А я от природы не чадолюбива. Моя лучшая подруга родила первого в девятнадцать, потом еще двоих подряд. Насмотрелась я на ее жите-бытье: готовка-стирка-уборка, школа-уроки, детские болезни бесконечные. Нет, мне таких радостей не хотелось. И наш брак основывался не на страстном сексе, а на духовном единстве. Нас объединяли общие интересы, любовь к классической музыке-балету. Мы часто ходили на концерты, на спектакли, даже цирк подчас посещали, хотя это, конечно, не высокое искусство. Разве такое позволит себе пара, обремененная детьми? А секс... Володя считал, что он отнимает энергетику, губит сердечно-сосудистую систему, а я не настаивала, всегда больше всего ценила душу, а не тело. Мы и в еде умеренность соблюдали, и в питье, и квартира осталась прежней, всего один раз, перед тем как сюда после смерти отца въехали, ремонт сделали и более с покраской стен-потолков не связывались. Мы жили очень и очень счастливо, только для себя. Могли принимать смелые решения, не думая о детях. Вы же знаете, какой успех пришел к мужу в Америке?

– Нет, – смущенно ответила я.

– Неужели? – всплеснула руками хозяйка квартиры. – Володей заинтересовались в Голливуде. Его пригласили на съемки, предложили работу в США. И мы согласились. Имея детей, это было бы невозможно, с малышами с места не сдвинешься. В Голливуде муж стал лучшим! Активно снимался, мы купили дом. Жили роскошно. Но режиссеры из России не отставали, супруга позвали на главную роль в культовый сериал «Домоуправ». Вова думал, что дело на один сезон, заработает денег, и все. Но проект растянулся на годы. Мой бедный супруг жил в самолете, мотался туда-сюда, у меня аэрофобия, я не могла его сопровождать. В Москве

Володя жил на съемной квартире, в ужасной халупе, эту мы сдавали. Ему было некомфортно, тяжело. И в конце концов мы вернулись домой, бросили море американских фанатов ради российских зрителей...

Я молча слушала, как вдова повествует о невероятной славе Сачкова за океаном. Все понятно. Владимир Николаевич решил, что станет звездой Голливуда, эмигрировал в США, но потом понял: в Америке он карьеры не сделает. Зачем соглашаться на роль в российском сериале, если тебе на «Юниверсал» предложения сыплются. И фраза Любы «Хотел денег заработать» свидетельствует о том, что финансы семьи пели романсы. Сачкову очень повезло, но не с Голливудом, а с сериалом «Домоуправ». Конечно, вдова никогда не признается, что они с мужем за океаном оказались никому не нужны, но я знаю, что российским артистам редко везет за границей, им в основном достаются роли русских бандитов.

– Давно вы вернулись? – остановила я хозяйку.

– В прошлом году, – уточнила она, – но мы никогда не теряли связи с родиной, жили в США, но Вова постоянно летал в Москву на съемки, во многих фильмах участие принимал, некоторым режиссерам отказывал из-за занятости в Голливуде. А потом муж прыгнул под поезд. Вера Лазарева заставила его с собой покончить.

Глава 11

– И как ей это удалось? – осторожно осведомилась я.

Сачкова прикрыла лицо ладонью:

– Незадолго до смерти Вовы мы с ним вернулись домой около полуночи. Ходили в католический собор на Красной Пресне, там давали концерт для органа с флейтой. Потрясающе! Подъезд у нас открыт, заруливай кому не лень, лампочки еле светят. Мы двинулись к лестнице, и вдруг из-за лифта вышло странное существо с длинным хвостом, рост у него оказался примерно мой. Я сильно испугалась, а кто бы не струсил, увидев, что на него надвигается идущая на задних лапах гигантская кошка. Я от неожиданности ее за настоящее животное приняла, но очень быстро сообразила: нет, это женщина, у нее на лице маска кошки, закрывавшая все от лба до подбородка, а вот волосы торчали наружу. Немыслимые кудри, рыжие, горели огнем, их было невероятно много, копна, нет – стог! Девица в маскарадном костюме вдруг запела: «Я, кошка Василиса, правду знаю. Я, кошка Василиса, правду сообщу. Вспомни кошку Василису! Правда, правда, правда-а-а! Хочешь узнать то, что знаю я? Хочешь прочитать то, что знаю я? Хочешь, чтобы все это узнали? Вспомни кошку Василису». Я оторопела, не понимая, что происходит. Да еще от бабы несло какими-то въедливыми духами. Навязчивый аромат, он мне прямо весь нос забил. Володя здорово растерялся. А кошка ему конверт протянула. Мы так ошарашены были, что и сказать ничего не успели. Володя машинально послание взял, а Василиса эта шмыг! И на улицу. Володя опомнился первым.

– Во дают! Чего только ради рекламы не сделают.

– Она какой-то фирмой нанята, – догадалась я, – листовки раздает. Мир сошел с ума. Вчера я видела на МКАДе инопланетянина, который предлагал купить ершики для бутылок. Стоит зеленый человек, весь кухонной утварью обвешан. Сюр! Выбрось дрянь, что кошка тебе всучила.

– Дома выкину, – сказал Володя, – не хочу в подъезде мусорить.

Через два дня мужу предложили очередную роль в телесериале, он начал работать, был очень увлечен и... прыгнул в сентябре под поезд.

Любовь Павловна встала, открыла резной секретер, достала оттуда несколько листков и протянула мне:

– Читайте. Вслух.

Я начала озвучивать текст, написанный аккуратным разборчивым почерком:

– «Дорогая Любанечка! Прости за то, что я совершил, но, поверь, альтернативы нет. Этим поступком я уберег тебя от большого позора. Не спрашивай какого, просто знай: я ухожу из жизни не потому, что болен, устал, пал духом или разлюбил тебя. Нет. Меня заставили это сделать. Мы с тобой прожили много счастливых лет, помни о них и не плачь обо мне. Может быть, когда-нибудь моя тайна вылезет на свет, но что бы и кто тебе ни говорил, не верь и знай: я всегда любил тебя. Только тебя. Одну тебя. Просто некоторые желания сильнее человека. Если к тебе вскоре после моей кончины обратится женщина по имени Вера Лазарева, начнет говорить глупости, требовать денег, гони ее вон. Это она «кошка Василиса», она передала мне в подъезде письмо. Она меня давно преследовала. Сяду в кафе, глядь, а она в одежде официантки по залу ходит; припарковал машину на стоянке – ко мне эта мерзавка в форме сотрудницы ДПС спешит; заглянул в клинику – и кто там в халате медсестры в холле маячит? А уж когда негодяйка появилась перед нами в костюме кошки! Кошка Василиса! Господи! Это меня доконало! Я совершил ошибку, давал ей денег, наивно думал, будто кошмар закончится, но он длился, длился, длился. Не спрашивай, как я узнал, что она Вера Петровна Лазарева. Поверь, эта дрянь никогда бы меня не отпустила. Она хотела сожрать все мои деньги и выставить потом на позор. И я решил уйти. После моей смерти все будет хорошо. Я любил только тебя!

В кармане моего пиджака обнаружат стандартную записку самоубийцы. Никому не показывай это письмо. Уничтожь его. Зачем я его составил? Зная тебя, понимаю, что ты, узнав о суициде, начнешь винить себя в произошедшем, мучиться от неопределенности, не зная, почему муж поступил подобным образом. Я говорю: любимая Любанечка, бесконечна моя благодарность тебе за счастливые годы вместе! Я любил только тебя! Ты ни в чем не виновата. Пойми меня и прости. Любашечка, ты еще молода. Вот тебе мой последний совет: продай квартиру, драгоценности, которые достались от мамы, купи домик в Испании и уезжай отсюда побыстрее. Мы с тобой мечтали на старости лет поселиться в стране Дон Кихота. Осуществи наши планы. Тогда я буду спокоен, потому что там Вера Лазарева мою Любашечку не тронет. Милая, помни, она мерзавка, негодяйка, убийца, она мрак, она смерть. Я любил только тебя, одну тебя. Володя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.